

АЛЛА ГОРЕЛИКОВА

МЕНТАЛИСТЫ
И ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ
КНИГА 1

Алла Гореликова

**Менталисты и Тайная Канцелярия.
Книга 1: Осенний перелом**

«Автор»

2026

Гореликова А.

Менталисты и Тайная Канцелярия. Книга 1: Осенний перелом /
А. Гореликова — «Автор», 2026

Однажды вечером Женя обнаружила, что закончился кофе, и побежала в ближайший супермаркет. В итоге: - оказалась случайной жертвой ритуала по призыву Силы; - познакомилась с начальником Тайной Канцелярии, кружком дам-сплетниц и другими очень опасными людьми; - спасла принца от покушения сначала на жизнь, а потом - на честь; - и ведь это только начало!"Сходила, называется, за кофе!"Мир, где идет тайная и явная борьба за постепенно исчезающую магию. Придворные интриги, таинственные преступления и самая обыкновенная девушка, которая постоянно оказывается не в то время не в том месте. И начальник Тайной Канцелярии, к проблемам которого только одной попаданки и не хватало!Первая книга тетралогии. Серия полностью закончена!Внимание! Раньше книга публиковалась под псевдонимом Алена Кручко!

© Гореликова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1, в которой Женя попадает не туда, встречает не тех и говорит не то, а начальник Тайной Канцелярии делает выводы из пачки кофе	5
ГЛАВА 2, в которой граф фор Циррент преодолевает языковой барьер, а доктор Заккендаль указывает начальству на ошибку	10
ГЛАВА 3, в которой Женю угощают ужином, рассказывают сказки и укладывают спать	14
ГЛАВА 4, в которой один принц думает, второй развлекается, а третий спит	19
ГЛАВА 5, в которой сумасшедший вечер сменяется еще более сумасшедшим утром	23
ГЛАВА 6, в которой Женя и граф фор Циррент думают о трупе, магии и друг о друге	29
ГЛАВА 7, в которой рассуждают о природе сплетен	33
ГЛАВА 8, в которой Женя знакомится с местной модой, а граф фор Циррент просит помощи	38
ГЛАВА 9, в которой разговор Жени с графом фор Циррентом начинается со шпилек и заканчивается анализом воображения авторов фэнтези	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алла Гореликова

Менталисты и Тайная Канцелярия.

Книга 1: Осенний перелом

ГЛАВА 1, в которой Женя попадает не туда, встречает не тех и говорит не то, а начальник Тайной Канцелярии делает выводы из пачки кофе

Женя стояла у стены, вжавшись лопатками в пушистую тигриную шкуру, и смотрела, как наглый незнакомый мужик потрошит ее рюкзачок.

Мужик был неправильный. Аккуратный, лощеный даже, длинные черные с проседью волосы забраны в хвост, а шмотки — как из исторического сериала. Кружевной воротник, бархат, серебряное шитье. Восемнадцатый век какой-нибудь. Или семнадцатый, кто их разберет. И морда соответственная — узкая, жесткая, топор, а не морда. Алебарда. Сначала мужик пытался с Женей говорить, но она не поняла ни слова, а он, соответственно, не понял ее нервных «где я», «кто вы» и «какого черта».

Еще неправильным был вполне дневной свет из распахнутого настежь широкого окна. Женя точно знала, что сейчас вечер, примерно половина десятого. В девять она обнаружила, что кофе в банке осталось на доньшке, а утро без кофе — верный способ весь день проходить тухлым зомби. А начальство тухлых зомби не любит, начальство любит, чтобы работали, а не спали с открытыми глазами, делая ошибки в документации. Пришлось бежать в супермаркет.

Сбегала. Купила, называется, кофе.

Нет, кофе-то как раз купила... Женя чуть не взвыла, когда острый кончик кинжала осторожно вспорол краешек мягкой пачки. Варвар, кретин, идиот! Ладно, языковой барьер, но там же нарисовано, как открыть! Любой дурак безграмотный поймет!

Уставился в лицо, будто мысли прочитать собрался, спросил что-то.

— Не понимаю, — безнадежно ответила Женя.

Мужик досадливо передернул плечами и зашарил в недрах рюкзака. «А нету там ничего!» — злобно подумала Женя. Только вчера выгребла весь накопившийся хлам. Остался носовой платок и леденцы от кашля. Мобилка в кармане, кошелек в кармане, ключи в кармане. Интересно, ее обыскивать он тоже собирается?

Острый, бодрящий запах кофе разнесся по комнате, напрочь убивая смутную надежду на то, что это просто сон. Рассыпал все-таки. Варвар. Женя ущипнула себя за запястье. Нет, точно не сон. Черт. Черт, черт, черт, только не паниковать! Паникой делу не поможешь.

На глаза навернулись слезы, Женя зло сморгнула. Не реветь надо, а понять, что произошло!

Значит, так. Супермаркет — все как всегда, ничего странного. Дорогу на обратном пути перешла нормально и через темный соседний двор тоже прошла нормально, никакие машины не сбивали, никакие хулиганы не привязывались, следовательно, сотрясение мозга и прочий предсмертный бред исключаем. Поздоровалась с тетей Зоей из соседнего подъезда, та еще спросила, чего это, мол, тебе, Женечка, на ночь глядя дома не сидится. Потом позвонил Олег, она сбросила звонок. Рассердилась. Потом закружилась голова. Тоже, в общем-то, ничего странного, от сильной злости бывает, а на Олега она до сих пор злится так, что удавила бы собственными руками. Даром что полгода как в разводе.

Закружилась голова... Она остановилась, вдохнула-выдохнула, в глазах потемнело, но обморока точно не было, просто потемнело в глазах... А потом голова резко прошла, вот только вместо полутемного родного двора вокруг оказались сроду в окрестностях не росшие клены, ясный день, мужики какие-то, сутолока, гомон... Кто-то ее толкнул, кто-то схватил за руку, она вырвалась, шарахнулась, в кого-то врезалась, а потом... Воспоминания путались, слишком пестрые, суматошные, непонятные, немудрено принять за сон или бред. Потом одетый в черное хмырь взял ее под локоть, жестко — не вырвешься, вытащил из толпы, долго вел по улицам — она тогда решила, что все-таки сон, расслабилась и только головой вертела. Улицы мало того, что незнакомые, но еще и несовременные, да и вообще странные. Отчетливо помнились высокие кованые фонари, непривычно розоватый оттенок кирпича в стенах домов, проплывший совсем рядом с лицом серый лошадиный бок — Женя шарахнулась, спутник подхватил под руку, сказал что-то, но она не расслышала, потому что лошадь заржала.

А еще неровный булыжник под ногами, даже в кроссовках не сразу приспособилась идти. Издевательство, а не тротуар. На каком-то особо коварном булыжнике она споткнулась и почти упала. Снова спутник подхватил. Чуть руку не вывернул, между прочим. Тогда она и засомневалась, что это сон. Спросила:

— Вы куда меня ведете?

Он посмотрел ошалело и ускорил шаг — чуть руку не выдернул, между прочим, и Жене пришлось почти бежать. Потом свернул с улицы в узкий кривой переулок, заколотил в некрашеную деревянную дверь — колоритненькая дверь такая, окованные темным металлом толстенные брусья. Потом была лестница с непривычно высокими каменными ступеньками, куцый коридор или длинная прихожая, не понять, а потом эта комната. Блестящий паркетный пол, обшитый багряным бархатом диван с вычурной спинкой, тигриная шкура на стене, ослепительно сверкающая люстра, вся в хрустальных висюльках, на голову прилетит — мало не покажется. Явно старинная, тускло блестящая резная мебель — стол, шкаф, бюро. И мужик в опять же явно старинных шмотках, смотревший на нее, как... неприятно, в общем, смотревший. Так неприятно, что у Жени и вопросы, и возмущения как заморозились на губах.

Хмырь, который притащил ее сюда, возбужденно тараторил на непонятном языке, мужик переспрашивал, тот отвечал. Потом ушел. А этот топор в историческом прикиде сначала попытался объяснить с Женей, а потом принялся за ее вещи. Очевидно, в поисках разгадки. Во всяком случае, если бы на Женю вдруг свалился неизвестно кто в странной одежде и ни слова не понимающий, она бы, наверное, тоже с вещей начала.

Хотя умней было бы начать с переводчика!

Ну и что прикажете делать? Граф Варрен фор Циррент, начальник Тайной Канцелярии королевства Андар, уставился на прижавшегося к стене парня, как будто от чересчур пристального взгляда он мог мирно растаять в воздухе. Нет, разумеется, граф фор Циррент не надеялся, что три праздничных дня пройдут спокойно, где вы видали праздники без неприятностей, но уж такого подарочка он точно не ждал.

Сопляк в непотребной одежде, ни слова не понимающий, растерянный. Дворянская аккуратная прическа — недлинные волосы собраны в хвост, как носят штатские; кольцо на пальце — простой золотой ободок без камня и без печатки, безземельный младший сын. Руки чистые, ногти аккуратные, не простолюдин точно. Но чтобы дворянин напялил на себя... такое?! Узкие длинные штаны из грубой черной ткани, матово блестящее черное нечто вместо камзола, короткое, едва середину бедер прикрывает, зато бесформенное настолько, что не видно ни плеч, ни талии. Уродство. И никакой отделки, никаких украшений или амулетов. Единственное яркое пятно — золотистый шейный платок. Впрочем, одежда худо-бедно объяснима: мир

велик, а ветер удачи непредсказуем. Однако парень совсем еще молод и, похоже, не забыл, как должен выглядеть юноша из приличного рода. Значит, странствовал не так уж долго. Но почему тогда изъясняется на варварском наречии и не понимает ни андарского, ни тириесского?

Сын какого-нибудь колониального чиновника, только приехавший в метрополию? Но как можно знать варварское наречие и не понимать родного языка? Он не полукровка, вполне андарское лицо.

А может, маги начудили? Парня угораздило забрести в Чародейный сад как раз под финал осеннего Перелома, когда господа волшебники, чтоб им на том свете так же радостно жилось, упились, возвеселились и всюю использовали праздничную отмену ограничительного эдикта. Кто их знает, что там с пьяных глаз наколдовать могли. Спасибо, у лейтенанта Тибериша хватило ума выпепить парня из толпы чароплетов и тепленьким поставить пред начальственные очи. Хотя почему он попросту не отпустил парня с миром, Тибериш объяснить не смог. «Показалось, что так надо», — и все. Правильно, конечно, показалось, чутье у лейтенанта есть и даже иногда работает.

Граф фор Циррент оперся ладонями о стол, чуть наклонившись вперед, и принялся разглядывать мальчишку с той бесцеремонностью, от которой у обычных гостей его кабинета на удивление быстро сдавали нервы и развязывались языки. Парень ответил ошалелым непонимающим взглядом и что-то спросил. М-да... хорошо, если под случайную шутку угодил, тогда через час-полтора все пройдет, а ну как нет?

Ладно, разберемся. Не пройдет, возьмем за шкирку верхушку гильдии магов, и пусть расколдовывают. Коллегиально.

Итак, что мы имеем. Молодой человек лет, пожалуй, шестнадцати-семнадцати, слегка волнистые каштановые волосы, карие с зеленью глаза, довольно миловидный, а с этим растерянно-недоуменным выражением лица просто готовая добыча какого-нибудь старого развратника. Кстати, проверить, кто был в Чародейном саду и не могли ли парнишку затащить туда с неблагоприятными целями. В этом случае имеем не случайную шутку, а намеренное причинение вреда, парень явно дезориентирован, не увести его Тибериш, так же просто увел бы кто угодно.

Без оружия. Тоже подозрительно.

Вот еще странность, дорожный мешок чистый, почти новый, нет следов неизбежного в дороге мелкого ремонта. Да и маленький слишком. Такой сопливному мальчишке подошел бы, а не взрослому парню. И пустой, только шуршит что-то. Что-то легкое, почти невесомое.

Граф фор Циррент развязал мешок и достал... нечто странное. Небольшой пакет. Плотный, гладкий, слегка шуршащий в руках. Черный фон, незнакомые белые и разноцветные символы... буквы чужого языка, знаки шифра, магическая тайнопись? За свою не слишком короткую и далеко не бедную на впечатления жизнь фор Циррент не видел ничего даже отдаленно похожего.

Повертев диковинный пакет в руках, начальник Тайной Канцелярии достал кинжал и осторожно взрезал самый краешек. Парень дернулся, в глазах вспыхнула злость. Та-ак. Дело перестает быть невинным. Яд? Или, того хуже, запрещенные магические ингредиенты? Будь оно безобидным, с чего так дергаться?

— Что у тебя здесь? — вряд ли к парню уже вернулось понимание, но вдруг.

Пробормотал в ответ что-то непонятное. Странно — голос тоскливый, а смотрит, будто в глотку вцепиться готов. Куда делся вид невинной овечки. А запах из надрезанного пакета весьма силен. Яд с таким запахом бесполезен, значит, и правда что-то магическое. Ингредиент? Или готовое зелье? Граф пожал плечами и вернулся к осмотру мешка.

Платок, клетчатый, тонкий, без меток. Чистый, не новый.

Та-ак, а это еще что?

Снова непонятное и никогда не виданное. Пластинка с ладонь размером, опять же непонятно из чего сделанная, опять же незнакомые символы, и опять же неизвестное содержимое.

Что-то вроде пилюль, но впечатаны в эту пластинку намертво, ни вода, ни воздух не доберутся. Точно, магическая дрянь. Значит, не случайно парня на праздник занесло. Пострадать мог случайно, а вот пришел туда, скорей всего, чтобы с кем-то незаметно встретиться.

Впрочем, не исключен вариант, что неизвестный «кто-то» попытался замести следы. Воздействие на разум — штука тонкая, постороннего магического фона не терпит, вот и шарахнуло парня... Не повезло — а не лезь в игры с законом! Сопляк.

Тибериш заслужил поощрение. Чутье у лейтенанта и впрямь работает, а того лучше, что не боится озадачить высокое начальство, минуя промежуточные инстанции. Далеко пойдет.

А мальчишку надо колоть. Безжалостно. Прямо сейчас, пока не опомнился. Подавив острый всплеск недовольства жизнью — не так Варрен фор Циррент надеялся провести сегодняшний вечер! — начальник Тайной Канцелярии отпер нижний ящик стола и достал волшебную палочку.

Нет, граф Варрен фор Циррент не был магом. Но, имея дело с тайнами высочайшего уровня, не всегда можно пригласить постороннего на беседу со свидетелем или подозреваемым. И уж тем более нельзя полагаться на переводчиков, понимание должно быть полное, причем с обеих сторон. Поэтому в запертом ящике стола, наряду с несколькими полезными в работе артефактами, лежал заряженный переводческим заклинанием чаронакопитель — самого простого типа, того, что господа маги слегка презрительно называют «волшебная палочка». Как раз на днях вызывал мага подзарядить, очень удачно.

Граф ткнул палочкой в сторону совсем ошалевшего мальчишки и спросил:

— Ну что, юноша, поговорим?

Вместо ответа мальчишка схватился за голову и сполз по стенке киселем.

Часы обязательных ритуалов прошли, и теперь в Чародейном саду вряд ли нашелся бы хоть один трезвый человек, маг он или нет. Осенний Перелом — время возблагодарить землю за изобилие, порадоваться урожаю, попросить, чтобы и следующий год был обилен. Но в этой радости сквозит холод, предвестие зимы и смерти, и потому рекой льются в жадные глотки горьчайшие, от благородного вина до дешевого зарша.

Но ледяной ужас, охвативший верховного магистра Страунгера, не брало вино, хотя пьян был магистр — впору киселем на землю стечь. А вот поди ж ты, мысли оставались трезвыми, жгуче-холодными, который день, месяц, год — об одном и том же.

О том, что магия уходит из мира, и нужно что-то делать.

О том, что раньше источники могли пробиться где угодно, на каждом шагу, хоть в непопулярном квартале городских трущоб, хоть посреди крестьянского огорода, а теперь даже в древних лесах и священных рощах магия копится слишком медленно. словно сама ткань мира прохудилась, подобно ветхой тряпке, и перестала удерживать живительную силу.

О том, что все меньше рождается детей, способных чувствовать магические вихри и потоки — и, как ни страшно признать, но это благо, потому что источников не хватит на всех.

И о том, что еще одна его попытка пробиться к истокам магических родников окончилась крахом — и спасибо, что не гибелью. А ведь все расчеты, все изыскания ясно указывали, что нет для этого времени лучше осеннего Перелома! Так что же теперь, смириться? Признать поражение? Ведь если так пойдет дальше, скоро только и останется, что пользоваться заряженными в лучшие времена амулетами и накопителями. Уподобиться дилетантам, покупающим «волшебные палочки», утратить могущество, а с ним — и власть.

Страшная перспектива. Слишком страшная, чтобы отказываться от попыток исправить дело. Но что, если следующая попытка и впрямь приведет к гибели?

Магистр мотнул головой, изгоняя из мыслей жуткую картину, и потянулся к бутылке. Все пьют, и он выпьет... праздник все-таки...

Порыв холодного ветра швырнул в лицо упавший с клена лист, слишком мелкий, не пожелтевший до конца — зеленая середка, желто-рыжие края. Такие же шуршат под ногами на неубранных дорожках Чародейного сада, и магии в них — ни капли. А ведь когда-то была... Когда-то на осенний Перелом кружили в священных рощах вихри и спирали ритуального холо, собирали магию листопада — главный урожай ушедшего лета. В те времена маги полагались на силу — легко ворожить, черпая из бездонного источника! Добыть сейчас хоть толику той силы — и весь мир покорно ляжет у твоих ног.

Праздник набирал обороты, как тугая спираль холо, а в центре этой спирали, среди смеха, пьяных песен и коротких незлых драк верховный магистр Страунгер заливал вином мечты о величии и мысли о смерти.

ГЛАВА 2, в которой граф фор Циррент преодолевает языковой барьер, а доктор Заккендаль указывает начальству на ошибку

Лошади на улицах. Средневековые шмотки. И, ко всему прочему, какие-то странные штуки — то ли жезл, то ли рукоять от плетки, то ли дурацкая волшебная палочка. Если, конечно, это не мегабластер какой-нибудь, но для бластеров антураж не тот. «В сказку попала!» — ехидно подумала Женя, с трудом удерживая нервный смех.

Наверное, и рассмеялась бы, может даже до истерики, но тут исторически разодетый хмырь ткнул этой самой бластеропалочкой в ее сторону и спросил что-то явно угрожающее. В голове словно бомба взорвалась, ноги стали ватными, и Женя тихо съехала по стеночке вниз. Сквозь рвущую мозги боль пробилась мысль: все-таки бластер. Бластер-шмастер, в общем, явное оружие. Нервно-болевого действия. В сказку, не в сказку, а попала — это точно.

«Чертово мироздание, что я тебе плохого сделала?! За что?!»

Из глаз текли слезы, Женя скрючилась в комок и прикусила костяшки пальцев. Прогнать боль болью, иногда такое получается. Чертов хмырь с бластером вдруг оказался рядом, схватил за руки и заговорил настойчиво и проникновенно. Если это допрос, наверняка требует что-то там сказать, если, мол, не хочешь еще получить. Гос-споди, что за тупость, неужели не видно, что она ни бельмеса не понимает?!

— Отстаньте от меня, — простонала Женя, — ну не понимаю я вас, не-по-ни-ма-ю-ю-у... Черт, черт, черт, больно же... ну что вы за сволочи...

Чертов хмырь снова что-то сказал, аккуратно взял Женю за подбородок, заставляя поднять голову. Перед глазами плыло, но все же Женя увидела, как мужик пожал плечами и направил свой бластер в собственную башку. Совсем псих, что ли?..

Мальчишка скрючился на полу, прикусив костяшки пальцев. Слезы проложили мокрые дорожки на щеках, стекали по гладкому, не знавшему бритвы подбородку, капали на то непотребство, которое служило парню верхней одеждой, и текли дальше. Непотребство было, похоже, непромокаемым.

На вопросы графа фор Циррента парень бормотал все ту же невнятицу, причем настолько жалобно, что графу на мгновение стало стыдно. Очевидно, эффект наложения чар... Значит, бедолагу лучше не трогать самое малое до утра, а то не угадаешь с очередным заклятием, и пожалуй в лучшем случае слюнявого идиота, а в худшем — свеженький труп.

Ждать до утра граф решительно не хотел. Не будь при мальчишке неизвестных зелий, начальник Тайной Канцелярии позвал бы к нему медика и отложил разбирательство на завтра. Но если парень идет не потерпевшим, а подозреваемым... нет уж, давить сопляка, пока размяк.

Ладно, не вышло прямо, пойдем в обход. Граф фор Циррент пожал плечами и направил палочку на себя. В конце концов, это может оказаться небезынтересным.

Заклинание прошло по мозгам горячими иглами, всколыхнуло мутную волну тошноты. Граф поморщился: неприятные чары, не удивительно, что мальчишке от них совсем худо стало. Впрочем, человеку в нормальном состоянии хватит нескольких минут, чтобы переждать пик воздействия. Облокотиться о стол, глубокий вздох... жаль, нельзя посидеть немного с закрытыми глазами, ну да ничего. Дурнота отхлынула, оставив ноющую тяжесть в голове и легкую сонливость. Граф с тоской поглядел в окно: сна ему до конца праздника в любом случае не

видать, как собственного затылка. И дай-то бог, чтобы остаток дня, вечер, ночь и похмельное утро не принесли еще с десятков сюрпризов один другого краше.

Что ж, займемся делом, попытка номер два. Сидеть на полу необязательно, расположимся с хотя бы относительным комфортом. Подхватить мальчишку под локти, вздернуть на ноги, отволочить к стулу... та-ак, отлично, вцепился в край стола, аж пальцы побелели, значит, упасть не упадет. Вполне подходящий баланс между беспомощностью, растерянностью и самоконтролем. Сейчас мы его...

Первый вопрос на чужом языке дался с трудом и наверняка несколько отличался от привычной начальнику Тайной Канцелярии формулы «имя, место жительства, род занятий». Ну да ничего, разгонимся...

— Ты кто?

Мальчишка моргнул, открыл рот, шумно вздохнул. На лице нарисовалось удивление пополам с облегчением. Кажется, понимает.

— А вы кто? И, — обвел кабинет затравленным взглядом, — где я?

— Тайная Канцелярия королевства Андар, граф фор Циррент. Как ты себя чувствуешь?

— Голова болит, — теперь мальчишка посмотрел с явственным возмущением. Потер виски, добавил обвиняюще: — Сильно.

— Тем не менее, как мы оба только что убедились, понимать вопросы и отвечать на них ты в состоянии, — с удовольствием сообщил граф. Чужой язык наконец уложился в голове, пусть еще не идеально, но вполне достаточно для беседы. — Этим мы сейчас и займемся. Имя, место жительства, род занятий?

Мальчишка хлопнул глазами. Сглотнул. И спросил с великолепной дерзостью:

— На каком основании?

Кажется, подумала Женья, этот граф фон-как-его-там малость обалдел. Или не малость. Глупо, конечно, и опасно наезжать на хмыря, который тебя допрашивает, особенно если оный хмырь — лицо явно официальное и немаленького ранга. Но тут уж одно из двух. Или это сон, бред, галлюцинации, и тогда плевать. Или реальность, и тогда... Тогда терять нечего, или сразу качать права, наплевав на вероятные последствия, или опустят тебя ниже плинтуса и никаких прав уже не дождешься. Так, по крайней мере, сразу станет ясно, чего ждать. Если принять за данность, что она невеста как оказалась в другом мире... ну не сказка же это, в самом-то деле, и не романчик в стиле фэнтези, где к пришельцам относятся так, что любая VIP-персона обзавидуется. Взамен, правда, обычно требуя не меньше, чем спасти мир.

— Я непонятно выразился? — спросил фон-как-его-там. — Тайная Канцелярия.

— И что? — Интересно, это у них полиция или что посерьезнее? Хорошо хоть голова уже не так адски раскалывается, еще болит, но можно терпеть без слез. — Я понимаю, Тайная Канцелярия — это наверняка очень серьезно, но при чем тут я? На каком основании вы меня сюда притащили? По какому праву распотрошили мои вещи? С какой радости мне тут сидеть и отвечать на ваши вопросы, вместо того чтобы спокойно вернуться домой и лечь спать? Вам вообще не кажется, что вот так ни с того ни с сего посреди улицы похитить ничего не подозревающего человека, утащить черт знает куда, а потом еще и требовать чего-то — это перебор?

— Да вы разбираетесь в законах, — с насмешливым восхищением протянул как-его-там. — Прекрасно. Отрадно видеть в молодежи уважение к соблюдению законности. И все же, юноша, позвольте заметить, что в этом кабинете вопросы обычно задаю я.

Дальше было еще что-то о разнице между потерпевшим, свидетелем и подсудимым и о том, куда следует отнести человека, на первый взгляд явно пострадавшего, но на второй — весьма и весьма подозрительного. И как важно для такого человека добровольное сотру-

ничество со следствием. И что-то еще, чего Женя уже толком не услышала, потому что голову снова прихватило, хотя на этот раз въедливый мужик ничего вроде не колдовал. Соображать было тяжело, хотелось лечь, закрыть глаза и заснуть, и проснуться дома. Желательно в субботу днем, потому что на работу в таком состоянии идти — это уж точно перебор.

Размеренный голос исторического хмыря слился в ровный гул, напоминающий не то далекий морской прибой, не то шум машин за окном. Женя закрыла глаза, шум отдалился, в него вплелся ровный тихий звон, а потом по ушам ударило тяжелой ватой, и все закончилось.

Наглости парню хватило ненадолго. Впрочем, граф фор Циррент быстро понял, что не его впечатляющая речь тому причиной. Бедолаге снова поплохело: глаза из внимательно-злых вдруг стали осовелыми, потом вовсе утратили осмысленное выражение, и мальчишка попросту вырубился.

«Вот и дави такого», — зло подумал граф, дергая шнур звонка. Рывкнул заглянувшему охраннику:

— Медика!

Мальчишка лежал головой на скрещенных руках и со стороны казался мирно спящим. Может, студент? Привычка выключаться за столом, сохраняя устойчивость... опять же странная одежда, университетских шалопаев заршем не пои, только дай поэпатировать публику.

Рассуждения прервал ворвавшийся в кабинет дежурный медик Заккендаль, шустрый, раздражающе улыбчивый, но весьма компетентный.

— Приветствую, господин граф, — наметанный взгляд медика остановился на мальчишке, уголки пухлых губ сочувственно дернулись: — Я вижу, праздничная специфика не обошла и вас. Протрезвить?

Отрезвлять Заккендаль не любил, и граф фор Циррент прекрасно его понимал. Неэстетичное зрелище. Поэтому прежде всего успокоил медика:

— Он не пьян. Тут, похоже, маги побаловались.

Несколькими короткими фразами ввел в курс дела, мельком досадливо подумав: жаль, что сегодня дежурит не Тильдиш, тот предан начальнику лично, а этот, хоть и давал подписку о неразглашении, поди угадай, кому и зачем проболтаться может. До сих пор, правда, в болтовне не замечен, но тут случай странный...

Заккендаль тем временем пощупал пациенту пульс, приподнял, подхватив под мышки:

— Господин граф, прошу вас, давайте перенесем пострадавшего на диван.

Подавив вздох, граф фор Циррент подхватил мальчишку под коленки.

— Легкий, — пробормотал Заккендаль, — как бы там еще и истощение не оказалось. Между прочим, как, вы полагаете, расстегивается эта странная одежда? Юноше нужно растереть грудь, и приток воздуха...

— Разрежем, — буркнул граф. Обувь на мальчишке оказалась такая же несуразная, как все остальное, и вдобавок — грязная. Засохшая рыжеватая глина не имела ничего общего ни с черноземом Чародейного сада, ни с жирным илом берега Альетары, ни с бурой землей пригородов.

Доктор подергал крохотный металлический язычок там, где по всей логике должна была располагаться застежка. Язычок дернулся и поехал.

— Потрясающе! — воскликнул Заккендаль. — В жизни не видел ничего подобного!

— Я тоже, — признался граф. — Крайне интересный молодой человек.

Доктор дотянул язычок до низа несуразной одежды, развел полы в стороны, хмыкнул:

— В одном вы, господин граф, ошибаетесь. Этот, хм, молодой человек, извольте поглядеть, девица.

И правда, оказавшаяся под верхней одеждой столь же непристойная нижняя обтягивала худенькую фигурку, ничуть не скрывая небольшую, но очевидно девичью грудь. А узкие штаны не оставляли сомнений, что под ними скрывается ни в коей мере не мужская анатомия.

Только присутствие подчиненного, да еще и низкого сословия, удержало фор Циррента от грязной божбы, достойной пьяного деревенского сброда или одичавшей в море матросни. Этого ему только не хватало для полноты праздника. Девушка! Одна, без сопровождающих, в неподобающей одежде, но с дворянским кольцом! С неизвестными, предположительно магическими зельями в пустом дорожном мешке и с повреждением памяти магического же характера. Дай-то бог, чтобы в итоге всплыла банальная девичья дурь, а не грязная уголовщина.

При мысли об уголовщине графу припомнилось шумное дело, ознаменовавшее первый год его работы в Тайной Канцелярии: нечистые на руку маги, столичные сутенеры, мерзавец с корсарским патентом и похищение полутора десятков девиц на ритуальные нужды колониальных шаманов. А потом, по вполне понятной ассоциации, стукнул в голову замшелый, но до сих пор доставляющий изрядно хлопот обычай жертвоприношений на праздники Переломов года. За человеческие жертвы пять веков как смертная казнь, а нет-нет да взбредет какому-нибудь магистру магических наук дурная идея проверить древние рецепты. Просвещенный век, раз-эдак его! А лучшая жертва, согласно все тем же замшелым рецептам, — юная девственница.

Заккендаль, похоже, подумал о том же. Переспросил:

— Говорите, в Чародейном саду?

А графу, для полноты картины, вспомнилось из запальчивой речи девушки принятое поначалу на счет Тибериша и потому пропущенное мимо ушей «похитить посреди улицы».

— Ну я ж до них доберусь. Всякий страх потеряли.

Когда начальник Тайной Канцелярии начинал говорить таким свистящим полусшепотом, страх обычно накрывал даже тех, кому бояться было нечего. Но, увы, зарвавшиеся волшебники еще не знали, что им пришла пора сушить сухари и думать о вечном.

— Что с девушкой, доктор?

— К счастью, ничего особо страшного, — Заккендаль осторожными движениями прямо сквозь одежду растирал какие-то одному ему ведомые участки на теле девушки. — Общая слабость, наверняка испуг...

— Для испуганной девушки вела она себя весьма нахально.

— Что ж, это делает ей честь. Учитывая магическое влияние на сознание, я рекомендую отдых, легкий ужин без вина, сон и только потом беседу.

— Ей нужно ваше наблюдение?

— Полагаю, нет. Однако перевозить ее сейчас и вообще всячески тревожить категорически не рекомендую. Минимум перемещений, желателен полный покой.

— Я и не собирался, — уверил фор Циррент. — Отдохнет здесь.

Он хотел еще спросить, собирается ли доктор приводить пациентку в чувство, но тут девушка очнулась.

ГЛАВА 3, в которой Женю угощают ужином, рассказывают сказки и укладывают спать

Над головой звучали голоса — один уютно мягкий, а второй — рассерженный, злой и колючий. Кажется, говорили о ней, но от попытки прислушаться закололо в висках и закружилась голова. Поэтому вслушиваться Женя не стала, а открыла глаза.

Давешний граф как-его-там возвышался в монументальной позе, скрестив руки на груди, и жесткое выражение на его узком лице явно не сулило ничего хорошего. Впрочем, глядел он не то чтобы на Женю, а как-то рассеянно, будто думал совсем не о ней. Может, просто женских обмороков боится, хмыкнула про себя Женя. Вон, даже уложить сподобился и врача позвать. Если, конечно, этот толстячок в черном — врач, а не какой-нибудь помощник следователя.

Лежать без подушки было неудобно, и Женя приподнялась.

— Лежите-лежите, — толстячок придержал ее за плечи. — Как вы себя чувствуете? Голова болит? Кружится? Слабость?

Точно, врач.

— Низко, — объяснила Женя. Ухватила за толстячка-доктора, села, стащила куртку. Свернула, пристроила под голову: — Так лучше.

Хотя нормальная подушка была бы, конечно, еще лучше.

— Хорошо. Вы пока не должны вставать.

Вставать и не хотелось. Женя ощущала себя непривычно слабой, даже злость куда-то делась: похоже, злиться просто не оставалось сил. Доктор пощупал ей лоб, заглянул в глаза, придержав веки пальцами, положил ладони на виски. Ладони у него были мягкими и приятно прохладными.

— Вы врач? — глупый, конечно, вопрос, но для знакомства сгодится.

— Что, простите? — толстячок растерянно моргнул.

— Вы доктор? — повторила Женя.

— Занятно, — заметил из-за спины доктора хмурый граф, — заклятие все-таки подействовало, но девушка еще путает языки.

— Доктор Заккендаль, к вашим услугам, милая барышня, — толстячок, не вставая, изобразил легкий поклон, и Женя невольно улыбнулась. Располагающий дядька. Наверное, это у него профессиональное.

— Очень приятно. Доктор, вы можете объяснить, что со мной произошло?

— Хороший вопрос, — буркнул граф. — Все мы хотели бы узнать ответ.

— Не сейчас, — мягко сказал доктор. — Серьезные разговоры подождут.

— Ладно, — вздохнула Женя, — ну а со мной что? Я вообще-то к обморокам не склонна.

Доктор, кажется, встревожился.

— Вы не помните, что было с вами до обморока? Совсем?

Женя потерла лоб. Поглядела на графа:

— Вы... — черт, как же его зовут-то? Не обращаться же, в самом деле, фон-как-вас-там? — Извините, я не помню, как вас называть. Вы что-то сделали, и у меня в голове как взорвалось. Вы всех так допрашиваете, или мне особенно повезло?

— Приношу извинения, — буркнул граф. — Это было переводческое заклинание. С его помощью вы сможете быстро начать говорить на нашем языке, а я на вашем. Очевидно, оно не слишком хорошо сочетается с той магией, которой вы успели нахвататься в Чародейном саду. Скажите, вы помните, как и зачем там оказались?

— Где?

Никакого «чародейного сада» Женя уж точно не помнила, равно как и никакой магии, которой она якобы нахваталась.

Граф досадливо сморщился.

— Не помните. Так я и знал. Ах да, вы спрашивали, как меня называть. Граф фор Циррент. Позвольте в ответ узнать ваше имя, барышня.

— Женя...

Женя запнулась, размышляя, так ли уж нужна графу ее фамилия, и в паузу тут же встрял доктор:

— Граф, я напоминаю, все разговоры — утром. Барышне необходимы отдых, еда и сон.

— Я могу рассказать, что помню, мне не трудно, — Женя все-таки села, просто чтобы отогнать навалившийся сон. — Голова уже почти не болит, только спать хочется. Но вообще-то я бы и от парочки бутербродов не отказалась.

— Я распоряжусь об ужине, — сказал граф. — Доктор, что вы посоветуете вашей пациентке для поднятия сил?

Женя закрыла глаза. Негромкие голоса отдалились, она вдруг поняла, что невероятно устала, и что время — правильное время — должно быть, уже к утру. Скоро на работу. Интересно, ее будут искать? Хотя, что за глупый вопрос, конечно, будут. А она тут... непонятно где! Вот уж весело.

Женя вытерла слезы рукавом джемпера. Может, все еще выяснится и наладится. Этот граф тут явно что-то вроде начальника полиции, если даже не круче, и он не похож на человека, не получающего ответов на свои вопросы. И раз уж он не меньше самой Жени хочет узнать, что произошло...

Граф фор Циррент привык получать ответы на все свои вопросы. Привык он и к тому, что иногда ему врут, причем врут нагло, неправдоподобно, как будто держат начальника Тайной Канцелярии за деревенского дурачка.

То, что рассказывала за ужином барышня Женя, на правду походило не больше, чем сама она — на благовоспитанную девицу из приличной семьи. Другой мир! Причем не какой-нибудь потусторонний, за завесой которого, как говорят маги, вечно стоит в зените полная луна, мертвые встречаются с живыми, а источники магической энергии бьют на каждом шагу. Обычный мир, где светит солнце, живут люди, но о магии знают только из сказок, зато повозки ездят без лошадей и летают в небе безо всякого волшебства. И приличные барышни свободно ходят без сопровождающих, в мужской одежде, и даже учатся и работают, как мужчины! Бредни, чушь, глупые фантазии!

Однако искушенный в распознавании лжи граф был уверен: девушка говорит чистую правду. Потому что, при всех странностях и несуразностях, рассказ ее объяснял все. Непотребный внешний вид и отнюдь не развязные, вполне пристойные манеры, чужой язык, непонятные вещи, даже явное незнакомство с андарской кухней: барышня умудрилась потянуть в рот ломтик острого горского сыра, не озаботившись необходимостью запить, и потом долго кашляла, вытирая льющиеся градом слезы, и ругалась, почему-то с явным восторгом.

А что правда ее звучит чуднее иных пьяных бредней — ну так мало ли странного происходит на свете, тем более в Перелом, да еще когда маги в дело замешаны.

— Хочу отметить, — медленно сказал граф, — вы удивительно хорошо держитесь для юной девушки, неожиданно вырванной из родного мира и оказавшейся без всякой поддержки среди чужих людей.

Барышня чуть заметно приподняла брови:

— А что, хорошая истерика мне поможет? Я окажусь дома, стоит лишь порыдать как следует?

— Стойкая нервная организация, — вполголоса заметил Заккендаль.

— Я хочу домой, — девушка положила обратно на тарелку вилку с кусочком мяса. — Чужой волшебный мир — это, знаете, хорошо для сказок, но не для твоей собственной жизни. Но сейчас я должна исходить из реальности, а не из своих желаний.

Граф поймал себя на невольной симпатии: девица вдруг напомнила ему любимую сестру. Лециния отличалась весьма похожим образом мыслей. Жаль, познакомиться их не получится: Цинни третий год блистает в Тириссе, с тех пор как ее супруг решил подвизаться по дипломатической линии.

— И как же вы видите реальность, милая барышня?

— Реальность... — милая барышня вертела в тонких пальцах кусочек хлеба, как будто не знала, что с ним делать. — Если честно, я все еще надеюсь проснуться.

На несколько минут за столом повисло неловкое молчание.

— Расскажите что-нибудь о вашем мире, — попросила девушка. — Что-нибудь интересное. Знаете, вдруг я все-таки и правда проснусь, чтобы было что вспомнить...

— Когда вы проснетесь, — граф подавил сочувственный вздох, — я расскажу вам то, что необходимо знать, если уж вам придется здесь задержаться. Пока же, если желаете, в качестве застольной беседы... — задумавшись на несколько мгновений, он улыбнулся пришедшему воспоминанию: — Да вот хоть о магах. История поучительная и некоторым образом забавная, а вам будет в новинку, раз в вашем мире нет волшебства.

История и в самом деле была поучительной, хотя юная неискушенная девушка вряд ли могла счесть ее забавной. Но об этом граф подумал, уже начав рассказывать, а подумав, решил: ничего. Извиниться за неподобающий рассказ язык не отвалится, а вот посмотреть на ее реакцию интересно.

— Для начала, пожалуй, нужно объяснить, откуда вообще берется магия...

Барышня заинтересованно подалась вперед, спросила:

— А она берется? Я думала, просто есть...

— Ну что вы, — усмехнулся наивному вопросу граф, — все в этом мире откуда-то берется, да и в вашем, я полагаю, тоже. Магию, объясняя ее обращение в мире, обычно сравнивают с водой. Мельчайшие ее частицы собираются вместе, конденсируются, выпадают дождем или быют источником, источники появляются и иссякают. Неверная, непредсказуемая стихия. Разумеется, основные, постоянные места накопления магической энергии учтены и охраняются, — девушка понатливно кивнула, — но появление новых предсказывать пока не научились. Так же, как и магические дожди, ураганы и засухи. Я сказал что-то смешное?

— Нет, — девушка фыркнула и уже откровенно рассмеялась. — Просто подумала, в нашем мире профессия такая есть, синоптик, это кто погоду предсказывает. Вечный источник шуток. Извините.

— Полагаю, шутки сходны с нашими, — не сдержал усмешку граф. — Однако иной раз от неучтенных выбросов и моей службе, и гильдии магов не до смеха. Наткнется на источник падкий на дармовщину неуч, хапнет силы, возомнит себя невесть каким волшебником и давай чудить. И ладно бы умно, а то ведь фантазия не заходит дальше, чем соседу напакостить, разбогатеть всем на зависть или, скажем, тайную зазнобу в себя влюбить.

— Понимаю, — протянула девушка. — Люди...

Люди, конечно, везде одинаковы, думала Женя, слушая графа фор Циррента. Уж если хапнул магии на халяву, так первым делом надо соседям нос утереть, завести себе золотой

ночной горшок и отбить у нормального парня первую красавицу деревни. Да еще так сделать, чтобы она при всем честном народе перед тобой на колени встала. И поглумиться вволю. В этом смысле магия мало отличается от внезапного крупного выигрыша или, скажем, повышения в должности.

Мысли свернули на свое: с Олегом-то, по сути, так же вышло. Был мужик как мужик, не выбился бы в большое начальство, она и не узнала бы, сколько за красивым фасадом гнили.

Вспоминать Олега было неприятно. Тошно сразу делалось и стыдно, как будто именно она виновата — не разглядела сразу, за кого замуж шла. Полгода как развелись, а все отмыться хочется! А самое грустное, что он так ничего и не понял. «Все так делают». «Дура, идеалистка, ну и проваливай, жди благородного принца, а я себе умную найду». И ведь найдет, чего бы не найти.

— Вы шокированы? — спросил граф. — Я прошу прощения за не вполне подобающую для девушки тему. Однако другие случаи еще более неподобающие, а оставлять вас в неведении — тоже не самое лучшее решение.

Было бы с чего шокироваться — с мерзавца, решившего отыграться на девчонке за невнимание. Не смотрел ты, чувак, нашего телевизора.

— Нет, я так, о своем, — Женя рассеянно потерла лоб: в голове плескалась тяжелая муть, хотелось не то спать, не то выпить крепкого кофе и окончательно проснуться. — И насчет неведения вы правы. А знаете, на месте той девушки я бы... — запнулась, подыскивая приличное слово вместо просившегося на язык, — приласкала тяжелым чем-нибудь по башке, в порядке самообороны, и сказала, что так и было. Тем более что мозгов в той башке явно отродясь не водилось. И чем оно все закончилось?

— Кончилось закономерно, — презрительно заверил граф. — В один далеко не прекрасный для нашего фигуранта день магия иссякла, и стал он снова самым обычным непутевым мужичком. Только успевшим настроить против себя всю деревню. Однако вы совсем раскисли. Пойдемте.

За тигриной шкурой оказалась дверь, а за дверью — маленькая комнатка: кровать, шкаф и умывальник. То ли графу нередко приходилось ночевать на работе, то ли... перебирать возможные варианты Женя не стала, кивнула благодарно, легла и тут же заснула, как провалилась в тихую и спокойную тьму.

— Полагаю, барышня проснется вполне здоровой. — Заккендаль вздохнул и замялся, как будто хотел еще что-то добавить, но не решался.

— Говорите уж, — буркнул граф. — Но на любые «этот уникальный случай достоин описания» — сразу нет.

— Некоторые случаи уникальны настолько, что описывать их нет ни малейшего практического смысла, — доктор снова вздохнул. — Даже если нет штампа «секретно», а здесь-то он будет, я понимаю, господин граф.

— Тогда о чем вы так мучительно думаете? — граф кивнул на диван: — Присаживайтесь, доктор, ведь ваш разговор, я полагаю, не минутный?

Заккендаль благодарно кивнул. Сел на диван, сцепил пальцы в замок. И через несколько мгновений заговорил неторопливо, словно размышляя вслух.

— Мир без магии, господин граф. Судя по рассказу этой девушки, весьма процветающий мир, да и сама она кажется вполне благополучной. По крайней мере в том, что касается здоровья. А ведь в нашем мире даже самое простое лечение не обходится без толики магического воздействия. Не знаю, господин граф, что из ее знаний покажется важным вам или его величеству, но мы просто обязаны вызнать все, что она может рассказать об их медицине!

— Обязательно, — кивнул граф. Заккендаль был ой как прав: пока что ограничения в использовании магии не касались лекарей, но никто не мог дать гарантии, что так и останется через десять, пятьдесят или сто лет. Чем меньше остается важного ресурса, тем неожиданней порой происходит его распределение. — Вот что мы сделаем, доктор. Как только барышня будет готова к такого рода разговорам, я организую вашу с ней встречу. Полагаю, по ходу беседы вы сами решите, насколько ценны ее знания и нужно ли подключать к делу кого-нибудь из ваших коллег. Но если окажется, что вашей квалификации недостаточно и нужны еще специалисты, вы обговорите их кандидатуры лично со мной.

— Понимаю, — серьезно кивнул Заккендаль. — Благодарю вас, господин граф. Это... это совершенно невероятные перспективы!

— Или никаких, — граф постарался остудить внезапный пыл сразу: лучше меньшего ждать, чем потом горько разочароваться. — Пока что, дорогой доктор, у нас с вами лишь ничем не подтвержденные рассказы неизвестной и, мягко говоря, весьма подозрительной девицы. Прикиньте сами вероятность того, что все это — правда.

— Десять к одному, — тут же откликнулся Заккендаль. — При самом осторожном прогнозе, а уж если честно, господин граф, я бы и на сто к одному поставил. Пусть я не менталист, но столь причудливую ложь распознал бы. Девушка была откровенна с нами, лжи я не чувствовал. А чтобы навести ей такие воспоминания с такой массой деталей, с таким естественным для придуманного мира поведением, и нигде не допустить фальши, нужно быть уровнем... я даже не знаю! Наш достоуважаемый, но малопочтенный магистр Страунгер такого не сотворит, да вы ведь и сами понимаете.

— Может, и сотворил бы, если бы до дармовой силы добрался, — задумчиво отозвался граф фор Циррент. — Своей силы у него на такое кружево не хватит, это да, это ясно...

— Силы! — непочтительно махнул рукой доктор. — Что сила, ума у него не хватит! Фантазии! Безумства, я бы сказал...

— Безумства, — повторил граф. Заккендаль нашел верное слово, и снова он был прав на все свои сто к одному. У верховного магистра ум, изощренный в интригах, но в практической части — приземленный. Придумать такой мир... Ладно еще без магии, но... нет, мир без магии авторства магистра Страунгера наверняка был бы местом мрачным и беспросветным. Никаких летающих повозок, никаких чудес и уж тем более никаких гуляющих без сопровождения барышень и работающих женщин. Такие бредни скорее по части излишне амбициозных дам вроде ее высочества Клялии.

Хотя Клялия и Страунгер давно обхаживают друг друга...

— Нет, — оборвал собственные мысли граф фор Циррент. — Предполагать сейчас можно что угодно и подозревать почти кого угодно. Слишком много вариантов, слишком мало данных. Хотя, знаете ли, дорогой доктор, я очень хочу верить в ваши сто к одному.

«Это в любом случае лучше, чем стговор ее высочества с верховным магистром, подкрепленный непонятно откуда взявшимся огромным резервом силы», — эту мысль граф фор Циррент не стал озвучивать, но и со счетов ее сбрасывать не собирался.

— Что ж, господин граф, — Заккендаль поднялся, — буду надеяться и верить в лучшее. Не смею злоупотреблять вашим временем.

— Надеюсь, эта ночь не принесет больше сюрпризов, — усмехнулся фор Циррент. — Благодарю, доктор, я в любом случае сообщу вам, как только ситуация прояснится. Доброй ночи.

Доктор откланялся, а граф сел на диван, вытянув ноги, и прикрыл глаза. Ночь Перелома была впереди, и почему-то графу фор Цирренту чудилось, что ночь эта будет какой угодно, но не доброй.

ГЛАВА 4, в которой один принц думает, второй развлекается, а третий спит

В ночи Переломов не принято спать. Маги и древние знания предостерегают о размывании границы с замирьем — обратной стороной мира живых, той, где вечно светит полная луна и скитаются души умерших, вдыхая вместо воздуха лунный свет и выдыхая чистую энергию магии. Сон — маленькая смерть, он подводит слишком близко к опасной черте, а когда черта теряет четкость, недолго ее и переступить...

В народе говорят проще: заснешь в ночь Перелома — никто не знает, где проснешься, в своей постели или на черной траве по ту сторону мира, там, где мертвым скучно и голодно без тепла живых.

Его высочество Киренн-Ларкен, наследный принц Андара, давно свыкся с перспективой однажды не проснуться. Приговор, который не могут снять ни лекари, ни маги: сердце, медленно, но верно теряющее силу жизни. Что ж, по крайней мере, он уйдет легко. Но засыпать с мыслями о смерти — приятного мало, а в осенний Перелом эти мысли как никогда назойливы. Поэтому первый наследник андарского престола сидел у камина, накинув на ноги полосатый плед, смотрел в огонь и думал о тех, кто останется жить после него.

О старшем сыне. Ларк, скорее всего, станет королем сразу после своего деда: здоровье короля Андара, хоть и подточенное годами, все же крепче, чем у его первого наследника. Ларк знает это и спешит жить сейчас, пока государственные дела не забирают все его время. Пока можно открыто смеяться и гневаться, пить вино, не взвешивая каждое слово и каждый взгляд, целовать женщин, думая лишь об их красоте, а не о том, как новая фаворитка изменит равновесие сил при дворе. Пока можно уходить на войну во главе андарских полков, сражаться и возвращаться победителем. Пожалуй, главная проблема короля Ларка-Элиота-Дионна будет в том, чтобы найти достойного преемника для себя в армии. Бог весть, какой из Ларка выйдет король, но потерять такого военного стратега Андар не может. Скорей всего, грустно усмехнулся Киренн-Ларкен, мальчик и не подумает о замене. Раз нет никого, кому можно доверить войско, оставит его на себе. Может, это будет и к лучшему.

О жене и младшем сыне. Ларк не любит молодую мачеху, что ж, понятное чувство. Но маленького сводного брата не обидит, можно быть спокойным. Жаль, что Клалия даже не попыталась найти с пасынком общий язык. Эти двое никогда не станут ни любящими родственниками, ни хотя бы союзниками. Но у Клалии хватает ума не ссориться с пасынком, спасибо и на том. Худой мир, вооруженный нейтралитет... Киренн-Ларкен тяжело вздохнул. Зря он поддался чарам юной прелестницы. Три года назад Клалия была едва распустившимся цветком, наивным и невинным. Теперь же цветок отрастил весьма острые шипы. Она по-прежнему прекрасна, она родила ему сына, она верная жена и хорошая мать, но для государства было бы лучше, если бы первый наследник остался вдовцом.

Ох, Клалия... Узкое бледное лицо, белокурые волосы потомственной северянки, ослепительно синие глаза, смех, похожий на россыпь серебряных колокольчиков. В ней, такой хрупкой на вид, так много жизни. Рядом с ней легче дышится и быстрее бьется сердце. У нее узкие ладони, такие нежные и такие сильные. У нее... Киренн-Ларкен тряхнул головой. Время ли вспоминать прелести жены, когда она уехала. Клалия не хотела оставлять его, но маленькому Киренну полезно переждать осенние дожди на южном побережье. Она хорошая мать, его Клалия, за младшего сына он тоже может не волноваться.

Все с ними будет хорошо. Надо верить, иначе очень страшно умирать, а дворянину, первому наследнику, наконец, просто мужчине — стыдно бояться смерти.

Говорят, ночи Переломов хороши, чтобы приманивать в дом достаток, привораживать любовь и вообще переламывать судьбу. Но тут есть закавыка: для благоприятных изменений куда лучше подходят весна и лето, время расцвета и изобилия. Осенний же и зимний Переломы чреваты бедами, потерями, а то и внезапными смертями.

Принц Ларк-Элиот-Дионн, второй наследник андарского престола, не верил ни в приметы, ни в судьбу. Зато считал ночь — любую ночь — вполне подходящим временем для развлечений. И, в самом деле, почему ночь Перелома должна стать исключением?

В бальном зале Офицерского Собрания гремела музыка, пары неслись в стремительном водовороте холо, расходясь и сходясь, меняясь партнерами, теряя друг друга и вновь встречаясь. Двойная цепь танцующих скручивалась в солнечную спираль, вилась вьюнком, рассыпалась бешено кружащим листопадом. Рисунок холо Перелома оставался неизменным веками — хотя века назад вели его друиды и непорочные девы в священных рощах, а танцевать вот так, флиртуя, ведя легкомысленные разговоры, с мыслями о выпивке, поцелуях и веселье до утра, наверняка сочли бы кощунством, достойным смерти.

Принц Ларк-Элиот-Дионн мало что считал кощунством, и танцы в этот список никоим образом не входили.

— Ваше высочество так задумчивы, — сладко прошептала на ухо красотка Розалин дель Гьяппа, доставшаяся принцу при очередной смене партнерш. — Ваше высочество не любят танцевать?

— Люблю, — усмехнулся принц, наклоняясь к прикрытому черным локоном ушку. — Особенно со столь прелестной дамой, как вы, милая Розалин.

Прелестной, страстной и не слишком блюдушей верность сухарю-мужу, вице-директору банка «Гьяппа и Гьяппа». Чем, интересно, думают давно перешагнувшие середину жизни мужчины, когда берут в жены девушек вдвое, а то и втрое младше себя? Не головой, точно. Когда-то Ларк задал этот вопрос отцу, но вместо ответа получил оплеуху, на чем тема и была закрыта.

Последний аккорд раскатился дробью каблуков, метнулся эхом под высоким потолком и умолк.

— Как здесь душно, ваше высочество, — проворковала Розалин. — Вы не откажете в любезности проводить даму на балкон?

— С радостью.

Принц галантно подставил даме руку, тонкие пальчики многозначительно сжали его ладонь.

— Я думаю, — шепнул принц, мимолетно прикоснувшись губами к нежной мочке, — верхняя галерея доставит больше радости разгоряченной танцем даме.

— Почему же? — пухлые алые губы сложились в откровенно хищную улыбку.

— Она ближе к звездам, — с нарочитой серьезностью объяснил принц Ларк. — Вы никогда не замечали, Розалин, что в ночи Перелома звезды особенно яркие?

— Не-ет, — прелестная банкирша словно ненароком прижалась к принцу всем телом. — Вы первый, ваше высочество, кто сказал мне об этом. Так покажите мне эти звезды.

— Пойдемте, — принц подхватил с подноса слуги-разносчика бокал с игристым вином, подал даме: — Освежитесь пока этим, прекрасная Розалин.

В спину неслась музыка, новые пары вели следующий танец, а Ларк вел свою сегодняшнюю даму наверх: зимний сад, два этажа по широкой парадной лестнице, полутемная анфилада Галереи Знамен... Вдали от посторонних глаз красотка Розалин повисла на кавалере совсем уж откровенно, то бедром потрется, то грудью прильнет, то погладит горячими пальчиками запястье. Бесстыдная кошка. Что-то сейчас поделявает бедный рогоносец дель Гьяппа?

Верхняя галерея, опоясывающий Офицерское Собрание ряд открытых балконов, предсказуемо пустовала: мест для уединения хватало и поближе. Из открытых окон первого этажа неслась музыка, заглушая гул голосов и шорох облетающей под осенним ветром листвы. На все еще цветущие клумбы падали широкие полосы света. Хорошая ночь для танцев, любви, выпивки... за неимением лучшего. В такую же ночь ровно год назад он шел во главе резервного полка, чтобы к рассвету успеть отрезать путь вражеским стрелкам, зная, что утром ждет решающий бой, а к следующей ночи определится победитель не в сражении, а в войне. Ни танцы, ни податливые красотки не могут так зажечь кровь, как горела она тогда. Тогда была жизнь, а сейчас — всего лишь веселье. Но отчего не повеселиться, пока нет других дел.

— Ваше высочество не обманули меня, звезды Перелома и правда яркие, — горячие руки обвили его шею, грудь прильнула к груди, Розалин запрокинула голову, ища черными глазами его взгляд. — Ах, мой принц...

Подаваясь навстречу настойчивым объятиям, проводя ладонями по едва прикрытой тяжелым шелком спине, впиваясь в податливые губы красавицы-банкирши, привлекая ее к себе, сминая шуршащие тяжелые юбки, принц Ларк-Элиот-Дионн думал: «Никогда не женюсь. Никогда, ни за что. Я не такой идиот. А о наследниках для короны пусть мелкий думает, когда вырастет. То-то Клалия будет рада».

Говорят, звезды Перелома слышат наши желания. Хорошо, что «слышать» — не равно «исполнять», иначе, пожалуй, в мире воцарился бы хаос. Нет, исполнения желаний заслуживают лишь те, кто разумен и не боится риска, кто готов сам взять драгоценный приз, а не ждать звезд с небес.

Именно об этом думала ее высочество ненаследная принцесса Клалия, сидя у окна придорожной гостиницы гильдии магов. Можно было заночевать в городке, который они проехали часа два назад, но Клалия не хотела менять дорожную скуку на блеск чужого праздника. Маленькому Киру нужен покой. А гостиницы гильдии содержатся по высшему разряду, в них может остановиться и будущая королева.

Да, хорошо, что звезды — не более чем немые свидетели. Достойны исполнения лишь желания сильных, тех, кто сам идет к цели и добивается желаемого. Так, как добьется она, Клалия. Обязательно добьется. Она хотела стать королевой, но замужество не приблизило ее к этой цели: принц Киренн-Ларкен, увы, не наденет корону Андара. Но ничего, у нее есть сын. Ее маленький Киренн, который еще станет королем! Ларк может быть сто раз прекрасным полководцем, но правитель из него никакой, он куда лучше наживает врагов, чем союзников. Кто его поддерживает? Армия, готовая в огонь и воду за своим лучшим генералом? Помилуйте, армия хороша на поле боя, а в столице — другие силы. Двор, маги, банкиры, судьи, пресса... Уже сейчас у нее, Клалии, есть верные сторонники везде. Конечно, при дворе ей пока лучше вести себя тихо: канцлер и министры верны королю, а наследником считают Ларка. Его и облизывают, когда приспичит задуматься о будущем. Клалия сжала кулаки, ногти врезались в нежную кожу. Эти безмозглые шаркуны еще поймут, как ошиблись! Гильдия магов за нее, за Клалию! Всего-то и стоило обронить словно ненароком, как неправ король, ограничивая их право на волшебство. Уже через месяц верховный магистр кланялся, целуя ей руки, и намекал на будущее величие. Что ж, два умных человека всегда друг друга поймут, особенно если их цели схожи. А магия — это сила, которая с равным успехом действует везде. Магия и деньги, гильдия и финансисты... Увы, столичные банкиры не так легки на союзы: ей, Клалии, нечего им предложить, ведь нынешняя власть ничем их не обделяла. Но и там можно найти подходы: где-то удачное вложение, кому-то личная услуга...

В дверь постучали, гостиничная горничная почтительно склонилась:

— Ваше высочество желали ужинать. Подавать сюда, или ваше высочество изволят спуститься в столовую?

— Накрывайте внизу, — Клалия встала. — Я спущусь через четверть часа.

В соседней комнате няня укачивала Киренна. Кир был еще слаб после болезни, тяжело перенес день в дороге, почти не ел, и теперь хныкал в полусне, сжимая ладошками нянину руку. Завтра надо сделать большую остановку днем, пусть малыш погуляет на свежем воздухе, под ласковым осенним солнцем. Клалия коснулась губами лба сына:

— Спи, мой хороший, мама тебя любит.

— Ма... — Киренн улыбнулся во сне.

ГЛАВА 5, в которой сумасшедший вечер сменяется еще более сумасшедшим утром

Девушка уснула, Заккендаль ушел, взяв пробу дурно пахнущей дряни для анализа и пообещав утром заглянуть, и граф фор Циррент смог, наконец, сесть и в тишине, неторопливо и всесторонне, обдумать проблему. Две проблемы.

Барышня и гильдия магов.

Девушка хочет домой, это понятно, и, разумеется, его долг как мужчины и дворянина ей помочь. Однако долг начальника Тайной Канцелярии — понять сначала, чем чревато возвращение девушки в родной мир. Если, например, для обратного переноса потребуется до дна исчерпать источник Чародейного сада, то разумнее пристроить барышню здесь: столица Андара не может остаться без запасов магии.

Да и с господами волшебниками разобраться. Зачем им понадобилась эта девушка, получили ли они, что хотели? Вызвать человека из другого мира... Действительно ли в ее мире нет магии? Слова — это только слова, девушка может врать, может не знать всего... второе — вероятней. А если эта несчастная девушка — пробный заход, а на очереди — полк наемников? Кстати, расспросить, каков ее мир с военной точки зрения. Если господа волшебники сумеют наладить постоянный канал... святое древо, да тогда мало тут никому не покажется! Учитывая, что Страунгер спит и видит, как бы прибавить к перстню верховного магистра цепь канцлера...

Нет, торопиться нельзя, сначала — информация, полная, достоверная, пусть даже ради нее придется допросить с пристрастием всех гильдейских магистров по очереди.

Веселенький Перелом выдался, нечего сказать.

За размышлениями ночь прошла незаметно. И обычных для праздника происшествий больше не случилось, как будто невероятное появление барышни Жени и впрямь исчерпало лимит неприятностей. К утру граф фор Циррент наметил, как и по каким вопросам брать в оборот господ магистров, кого на чем прижать, кому что пообещать... Останавливал от немедленных действий простой и очевидный факт — после трех дней и ночей обрядов, песен, возлияний и волшбы вряд ли хоть кто-то из магов способен к осмысленному диалогу. Придется ждать, пока проснутся, опохмелятся и придут в себя. Впрочем, время зря не пропадет, слишком о многом надо расспросить гостью.

Заккендаль, как и обещал, заглянул с рассветом — под конец дежурства. Первым делом сообщил:

— Субстанция не магическая. Я обнаружил лишь легкие следы магического фона, естественные после пребывания в Чародейном саду во время волшбы. Химический анализ произведу сегодня же.

— Строго в тайне, — напомнил граф, — никому никаких объяснений.

Заккендаль кивнул и наконец поинтересовался:

— Как моя пациентка?

— Спит, — ответил граф. — Или просто не выходит. Я не счел уместным проверять. Хотя, пожалуй, барышню в любом случае пора будить, днем ей здесь не место.

— Куда же?..

— Ко мне, — пожал плечами фор Циррент. — Не слишком удобно, но другого варианта пока не вижу. Надеюсь, доктор, вы понимаете, само существование этой девушки — государственная тайна. Во всяком случае, пока мы не разберемся с ее здесь появлением.

В этот самый момент девушка-государственная-тайна высунула нос из-за тигриной шкуры и мрачно сообщила:

— Я проснулась. К вам можно?

— Много слышали, барышня? — усмехнулся граф. — Можно.

— Только про государственную тайну. Вы меня, пожалуйста, извините, я понимаю, у вас проблемы государственной важности и все такое, но мне остро необходимы туалет с умывальником, расческа, зубная щетка и кофе.

Дамы... В любом мире одинаковы: война, чума, потоп — не повод выйти на люди непричесанной.

Да, с Цинни они бы поладили.

Другой мир — совсем не повод выходить на люди чучундрой! Угораздило же вчера рюкзак вытряхнуть... любимая расческа, помада, пачка влажных салфеток, как бы они сейчас пригодились! Женя драла волосы непривычным, слишком густым гребешком и шепотом ругалась сквозь зубы. Надежда проснуться дома разбилась о серый туман чужого утра, и оставалось уцепиться за новую реальность, удержаться на поверхности, как утопающему в ожидании помощи — час, день... а потом, глядишь, все образуется. Как-нибудь. Просто пока не надо забивать этим голову. Лучше ругаться на неудобный гребешок, ждать кофе — Женя попросила добавить к завтраку большую кружку кипятка, — думать, как потактичнее озадачить графа вопросом дамского нижнего белья, в общем, концентрироваться на мелочах, отодвинув слишком глобальную проблему «на попозже». Потому что иначе и сбрендить недолго.

Чужой мир, маги, Тайная Канцелярия... нет уж, лучше позаботиться о зубной щетке и чистых носках! Это, по крайней мере, решаемо.

Граф недовольно повел носом, когда Женя бухнула в кружку с кипятком две полных чайных ложки кофе и кинула туда же два неровно отколотых куска желтоватого сахара. Спросил:

— Вы это пьете?

— Лучшее средство от превращения в зомби, — брякнула Женя.

Худое лицо застыло, снова напомнив готовую к удару алебарду.

— Вы говорили, в вашем мире нет магии.

— Это не магия, — Женя отхлебнула кофе, вздохнула. Первый глоток, самый вкусный... правда, здесь вкус кофе был совсем не тот. То ли вода другая, то ли сахар... — Это, как бы лучше сказать, популярные страшилки. А в данном случае — просто шутка. На самом деле кофе просто бодрит. Помогает утром проснуться. Хотите попробовать?

— Нет, благодарю.

— Ну и ладно, мне больше достанется, — Женя отхлебнула еще, пояснила на всякий случай: — Это тоже шутка. Стандартная.

— Станный в вашем мире юмор.

— Утренний, — хмыкнула Женя. — Вы не обижайтесь только, я с утра всегда такая, малоадекватная. Кофе выпью, стану человеком.

Граф промолчал. Смотрел со странно оценивающим выражением, ничего хорошего такой взгляд не обещает, уж это точно, но сейчас Жене было плевать. Сначала кофе и завтрак, потом еще раз выглянуть в окно, просто так, на всякий случай... а там видно будет.

Завтракала барышня скромно, если не считать огромной кружки дурно пахнущей бурды: порошок из того самого пакета, растворенный в кипятке. Нет, все-таки эта дрянь магическая, наверняка магическая. Добровольно пить подобную гадость нормальный человек не станет. Надо будет взять еще один образец. Заккендаль, как и положено медику, в любом магическом анализе опирается на возможное воздействие магии на человека; значит, нужен специалист

принципиально другого профиля, с другой точкой зрения. Вот только какой именно? Впрочем, это можно решить позже.

Поев, девушка отошла к окну. Худая спина ссутулилась, острые лопатки отчетливо видны под тонким, бесстыдно обтягивающим тело «джерпером». Интересно, у них в порядке вещей так одеваться?

Солнце поднялось над крышами, прорвалось сквозь густую крону росшего под окном клена. Каштановые волосы девушки вспыхнули золотом. «Будь у меня такая дочь, — невольно подумал граф, — выпорол бы за неподобающий вид и запер от греха. Как она ходила одна, там, у себя? К таким охрану приставлять надо».

А та обернулась, посмотрела на него со странной обидой, будто подслушала мысль о «выпорол бы и запер». Буркнула чуть слышно:

— Вот и проснулась. И вся эта хрень — на самом деле.

Медленно подошла к столу, села, сцепила пальцы в замок.

— У вас, наверное, вопросов куча? Задавайте.

Отменное самообладание. И, следует добавить, отменно трезвый взгляд на положение вещей. Не похоже, что она из породы истеричных дамочек с «тонкой нервной организацией» или из любительниц эпатажа. Отсюда вывод — одежда эта для нее самая обычная, в рамках приличий и традиций. А вот что за традиции и каковы приличия... граф фор Циррент совсем не был уверен, что желает об этом знать. Но — положение обязывает. Если девушка и впрямь из другого мира, это дело как раз для Тайной Канцелярии. Да и его величество наверняка заинтересуется.

Граф прошелся по кабинету, собираясь с мыслями. Слишком много вопросов, и не знаешь, какие важнее.

— Расскажите о вчерашнем. Все, что помните, каждую мелочь.

Кивнула чуть заметно, опустила ресницы.

— Все было как обычно. Этот перенос — давайте пока так его называть... — я даже понять не успела, что вообще что-то происходит. Никаких спецэффектов, очень быстро, в глазах потемнело — и уже тут. И знаете, я...

Распахнулась дверь, в кабинет ворвался дежурный секретарь:

— Господин граф! Курьер из полиции. В Чародейном саду убийство!

— Курьера сюда.

Курьер, бледный тощий мальчишка, вытянулся в струнку перед высоким начальством.

— Докладывайте.

— Предположительное убийство, — педантично поправил секретаря курьер. — Следов насильственной смерти нет, но очевидна магическая компонента, возможен несчастный случай при волшбе. Труп обнаружен утром, когда младшие служители Чародейного сада пришли убрать территорию и развезти по домам...

Граф усмехнулся заминке, подсказал:

— Тех из господ магистров, кто от праздничных бдений совсем из сил выбился.

— Ага, — мальчишка ухмыльнулся, продолжил: — Судя по одежде и гильдейским знакам, умерший — маг первой категории, личность устанавливается. Следствие затруднено невозможностью допросить очевидцев, — моргнул, но в этот раз справился с заминкой самостоятельно, — по причине их повальной усталости.

Граф слушал курьера и думал: вот и оно. В каждый праздник обязательно самая пакость под конец выползет. Думал, в этот раз случай с барышней, а нет. Смерть мага в ночь Перелома... святое древо, что за дрянь!

Кстати, еще вопрос, две это пакости или одна, но с двух сторон...

— Едем. Вы тоже, — фор Циррент повернулся к Жене. — Можете понадобиться как свидетель.

Барышня кивнула, но встала не раньше, чем курьер и секретарь вышли. Граф обратил внимание, как она сидела: слегка ссутулившись, поставив локти на стол и сцепив в замок пальцы. Со стороны двери наверняка выглядела как мальчишка в странной одежде. Случайность? Или настолько быстро соображает?

Быстрый вжик — граф заметил, что этот странный звук издает застежка верхней одежды, — и вот посреди кабинета стоит вчерашний юноша. Граф покачал головой. Если в ее мире все девицы так одеваются... святое древо, кидаются на них мужчины или шарахаются от них?! Отвратительно. Однако и на том спасибо, что не пришлось битый час объяснять, зачем необходимо присутствие возможного свидетеля при опознании трупа, терпеть истеричные рыдания и ждать еще два часа, пока барышня соизволит припудрить носик.

Необходимость любоваться на труп Женю не пугала. Куда больше волновал вопрос, как они до этого самого трупа доберутся. Вряд ли такая большая шишка, как начальник Тайной Канцелярии — чем бы эта Канцелярия ни занималась — разгуливает по улицам на своих двоих. Хорошо если карета, а вдруг верхом?!

Опасения оправдались на все сто. Женя остановилась, глядя снизу вверх в морду огромного вороного коня. Конь фыркнул, оскалившись, и переступил с ноги на ногу, Женя отпрыгнула. Граф, уже сидящий в седле, поглядел ожидающе, спросил:

— В чем дело?

— Я не умею! — отчаянно призналась Женя. — И вообще боюсь!

Ей показалось, граф хотел сказать что-то резкое, но сдержался. Спрыгнул на землю, подошел. Сказал тихо:

— Нам нужно спешить. Садитесь в седло, держитесь крепче и ни о чем не думайте. Я поведу в поводу.

— Э-э... — Женя неловко всунула носок кроссовки в стремя, подпрыгнула. Граф подхватил за талию, посадил — едва успела ухватиться за высокий перед седла. Кажется, это называется «лука»? Стремена опасно раскачивались, Женя напрягла ноги. Так лучше, хотя опора все равно ненадежная.

Граф покачал головой, буркнул себе под нос:

— Ужасно.

Женя не заметила, как он снова оказался верхом: слишком была озабочена тем, как самой не свалиться. Что делать, когда это животное поскачет?! Она упадет, точно упадет!

Зацокали копыта, Женя выдохнула, закрыла глаза и вцепилась в седло до боли в пальцах. Только не завизжать. Вдруг чертова скотина не любит визг над ухом. Дернуло, затрясло, Женя постаралась сильнее упереться в стремя, но задницу все равно колотило о седло так, будто ехали на какой-нибудь ржавой развалюхе по колдобистой дороге. Даже хуже. В сто раз хуже! Как вообще всякие там мушкетеры, гусары и прочая кавалерия умудрялись не просто держаться на этих тварях, но еще и драться верхом?! И не отбивали себе все нафиг?! Кошмар... кошмар... мамочка-а-а...

Когда проклятое животное остановилось, в голове у Жени тряслось и дергалось. И мутило. Граф выдернул ее из седла, поставил на землю. Земля качалась.

— Дальше пешком, — сообщил граф. Добавил на ухо: — Сожалею, барышня, но я не могу нести вас на руках.

— Н-не надо... — Женя сглотнула и постаралась выпрямиться. Ноги дрожали. — Можно, я обратно пешком пойду? Пожалуйста.

— Да, я понял вашу проблему. Мы ее решим. Поверьте, сажать вас верхом — издевательство не только для вас, но и для лошади. Однако пойдемте, нас ждут. И, прошу вас, вни-

мательно глядите вокруг. Я бы хотел, чтобы вы как можно точнее определили то место, где появились.

Говоря откровенно, намного больше граф фор Циррент хотел, чтобы, оказавшись на том самом месте, девица тихо-мирно испарилась обратно. Желательно при свидетелях. Это было бы хорошо для самой девушки и еще лучше для него, начальника Тайной Канцелярии. Дало бы отличный повод прижать гильдию магов на незаконных экспериментах, не опасаясь сюрпризов вроде внезапных наемников из другого мира. Но барышня Женя спокойно шла следом за мальчишкой из полиции, вертела головой по сторонам и испаряться не собиралась. Даже увидев труп.

Труп, надо признать, выглядел так, что сам фор Циррент, будь он юной девушкой, непременно упал бы в обморок. Магическая компонента в этой смерти определенно присутствовала, и весьма сильная. Неудивительно, что умерший до сих пор не опознан. Попробуйте, опознайте обтянутый высушенной кожей скелет. Разве что по щегольской праздничной мантии. Или путем банальной проверки, кого из господ волшебников не хватает среди живых.

Над останками невезучего мага, задумчиво разглядывая то ли сами останки, то ли скукоженную палую листву, стоял виконт Фенно-Дераль, начальник королевской полиции и давний приятель фор Циррента. Поднял голову на звук шагов, кивнул:

— Вот и вы, Варрен. Каков праздничный подарок, а? Хотел бы я знать, чем они тут занимались.

— У меня есть версия, но я не готов пока о ней говорить. Доброе утро, Грент. Я правильно понял, что вы предполагаете убийство? Знаете что-то, чего не знаю я?

Тот пожал плечами:

— Ничего определенного. Но не сам же он над собой такое учудил. Так что, даже если имел место несчастный случай, классифицироваться будет как непредумышленное убийство.

— Здесь, — тихо сказала девушка.

Граф обернулся:

— Уверены?

— Да. Я помню кривую ветку, вон, на клене. На ней сидел мальчишка и болтал ногами. Там, — махнула рукой над трупом, — стояла бочка на тележке, мужики выпивали.

— Грент, проверите? Ваши люди сделают это без лишнего шума.

— Бочка, — повторил виконт. — Бочка с выпивкой, это легко проверить. Но, Варрен, что мы, собственно, проверяем?

— Не сейчас, Грент. — Обернулся к девушке: — Еще зацепки?

Та покачала головой. Пояснила тихо:

— Не люблю пьяные сборища. Постаралась поскорее отойти подальше, а потом меня перехватил ваш человек. — Подумав, добавила: — Довольно быстро, на самом деле.

— А эту мантию не помните?

Девица оглядела иссохший труп с таким равнодушием, будто ей в день по три раза предлагали любоваться на покойников. Пожала плечами:

— Как-то, знаете, не до того было, чтобы мантии разглядывать... Извините. — Помолчала и вдруг спросила: — А почему вы вообще так уверены, что это убийство, а не тупой розыгрыш?

— Простите? — быстро спросил Грент.

— Ну, праздник же, — девица пожалала плечами. — Напились какие-нибудь идиоты в зюзю, выкопали откуда-то древнюю мумию, нарядили в новую одежду...

— Магическая картина не та, — подавив вздох, объяснил граф. Теперь придется рассказать Гренту больше, чем собирался: вопрос барышни слишком уж наглядно показал, насколько она не привыкла включать магию в картину обыденной реальности.

— Погодите, Варрен... погодите... — виконт замер, словно почуявший добычу пес. — Мысль интересная... То есть убийство было, это очевидно, но почему мы так уверены, что труп — тот?

Возражения замерли на языке: в идее Грента, при всем ее безумии, определенно брезжило рациональное зерно.

— Извините, — робко спросила барышня, — от меня тут еще что-то нужно?

— Вы очень помогли следствию, благодарю, — выдал граф дежурную фразу. И правда, нечего ей здесь больше делать. Жаль только, расспросы придется отложить.

Труп на периферии зрения насмешливо скалился в ясное утреннее небо.

ГЛАВА 6, в которой Женя и граф фор Циррент думают о трупе, магии и друг о друге

В Чародейном саду насмешливо скалился в небо труп в праздничной мантии, граф фор Циррент пытался разобраться в случившемся, клены равнодушно роняли пожелтевшие листья. А дома время шло к обеду, и Жене, наверное, всю названивали с работы, пытаясь узнать, что с ней стряслось. Вот только звонки не проходят в чужой мир. А мобильник — она с утра посмотрела — сдох, хотя заряжала только вчера. Ни будильник теперь не заведешь, ни музыку не послушаешь...

Цокали копыта по булыжной мостовой, стучали колеса, людские голоса сливались в привычный городской гул. Только шума машин не хватает. Здесь вместо машин — извозчики.

В наемном экипаже трясло почти так же немилосердно, как в седле, но отсюда хотя бы под копыта не свалишься. Женя сидела, вцепившись в грубую деревянную скамью, и думала: интересно, служебного транспорта у Тайной Канцелярии нет в принципе или граф просто помотничал гонять туда-сюда казенных лошадей и приличную карету? Нанял извозчика, а Жене сунул в руки письмо и объяснил, кому передать и что сказать.

И извозчик-то какой-то задрипанный. Уж на что Женя в лошадях не разбирается, но разница между конями Тайной Канцелярии и запряженной в городской общественный транспорт клячей видна невооруженным глазом. Те — холеные, огромные, шерсть лоснится, фыркают, переступая огромными копытами, грудь широкая, танки, а не кони. Эта вроде тоже не маленькая, но выглядит совсем не так солидно. Взъерошенная, живот обвислый. Пока граф разговаривал с извозчиком, стояла, понунив голову, только хвостом изредка взмахивала. Таковую, наверное, что запрягай, что оседлывай, быстрее, чем задумчивым шагом, ходить не умеет.

И колымага кляче под стать: обшарпанная, скособоченная. Душная коробочка на два места с крохотным, затянутым матерчатой шторкой окошком в дверце и таким же — спереди. Наверное, чтобы до водилы докричаться, если что.

Ужас.

Ладно, и на том спасибо, что снова верхом не усадили. Хотя, опять же, в этом случае пришлось бы провожать, а так...

Женя отдернула шторку на боковом окне, повертела в руках сложенный конвертиком лист плотной бумаги. Печать с гербом не разобрать в скудном свете и при тряске, а разглядывать у графа на глазах Женя постеснялась. Любопытно, что он там написал? Хотя... скорее, любопытно, может ли она читать в этом мире? Или переводческое заклинание помогает только для разговоров? Вообще-то, отправляя Женю к себе домой, граф сказал об этом письме тоже. «Я написал, что вы не юноша, а девица, что вас нашли в Чародейном саду, вы ничего не помните, и я веду расследование. Ничего сверх этого прошу не говорить. Ясно?»

Чего ж неясного.

Интересно, там, в парке, вправду настоящий труп? Они оба, и граф, и тот чувак из полиции, так уверены... Самой Жене все это напоминало хэллоуиновскую шуточку. Тупую, да, но мало ли дураков в мире, в любом из миров. Она и сама как-то учудила что-то очень похожее, и до сих пор вспомнить смешно.

Экипаж тряхнуло, Женя подпрыгнула на сиденье, выругалась. Седла ей мало было, и так отбила все что можно! Долго еще ехать-то? В окошке мелькали кирпичные стены домов, кованые и деревянные вывески дергались в такт движению, не разглядеть толком, только голова кружится. А если не глядеть, навязчиво вспоминается оскал обтянутого кожей черепа и пристальный, острый взгляд графа фор Циррента. Ему, кажется, не понравилась мысль про розыгрыш. Может, у них тут вообще строже с отношением к мертвым? Религия, суеверия, тради-

ции, мало ли... А Женя, когда в универе училась, три года делила квартиру с девчонками из мединститута, при таких соседках быстро отвыкаешь вздрагивать от анатомических шуточек или человеческого черепа на обеденном столе. И засунуть в оный череп свечку, выставить на лестницу и вырубить в подъезде свет кажется вполне невинным развлечением.

Но если и вправду труп... ничего себе дела! Спасибо тому чуваку, который увел ее подальше от этих чокнутых магов! А то еще неизвестно, чей именно череп разглядывали бы сейчас начальник Тайной Канцелярии и его друг из полиции. Впервые со вчерашнего сумасшедшего вечера Жене стало по-настоящему страшно.

Присев на корточки, граф фор Циррент разглядывал обтянутый усохшей кожей череп. Возможно ли, что настоящий труп и в самом деле подменили? Слишком неожиданная мысль, и...

И слишком красиво подброшенная. Граф встал, зачем-то отряхнул руки, спросил:

— Грент, в вашей практике встречалась подмена покойников? Мне кажется, это слишком сложно. Если есть возможность спрятать труп, зачем оставлять на его месте другой? Не проще ли сделать вид, что убийства не было вовсе?

Виконт Фенно-Дераль пожал плечами:

— Спрятать труп — далеко не то же самое, что скрыть все следы преступления. Кровь, крики жертвы, магический фон... впрочем, после Перелома магическим фоном никого не удивишь.

— Вот именно. Фонит сейчас весь Чародейный сад, крики, если и были, утонули в пьяном шуме, а кровь... помилуйте, какая кровь? Очевидная картина полного магического выпивания, беднягу высосали, как паук муху.

— Однако, Варрен, вы говорили, у вас есть предположение?

— У меня есть факт. Вчера здесь — видимо, на этом самом месте — был проведен некий магический обряд. Судя по результатам, весьма энергозатратный.

— Вот как? — Грент подобрался, словно почуявший след пес. — Подробности известны?

Граф отошел от трупа, как будто тот мог подслушать. Поманил виконта за собой, огляделся. Вокруг царил покой. Пустые аллеи, усыпанные рыжими кленовыми листьями, полицейский у запертых ворот, и тишина такая, словно там, за воротами, не шумный город, а пустые поля. Только воронье карканье вдалеке. И все же граф обратился к приятелю почти шепотом:

— Скажите, Грент, вы слышали когда-нибудь о попытках пробить канал в другой мир? Предположите, что вчера, здесь, это было сделано. Успешно.

— Варрен! Вы уверены?!

— Разумеется, нет. Всегда остается возможность ложной информации. Но учтите, Грент, если информация ложна, кто-то приложил очень много сил, чтобы меня убедить.

— Думаете, все это, — начальник столичной полиции оглянулся на труп и тоже понизил голос до почти неслышимого, — подстава?

— Не знаю, — признался фор Циррент. — Отвратительно, Грент. У меня в руках свидетель, который может быть пострадавшим или соучастником.

— Передайте его нам, — оживился виконт. — Расколом еще до вечера, обещаю.

— Извините, нет.

— Ну конечно, — Фенно-Дераль ухмыльнулся, став на мгновение похожим на оскалившегося хорька. — Я и забыл, вы не любите делиться, господин начальник Тайной Канцелярии.

— Не люблю, — согласился фор Циррент. — К тому же...

Еще утром он готов был поспорить, что девица не врет. Жалел, думал, как помочь. Но теперь...

Всего два слова над трупом. Два слова — и слишком невероятное для юной девушки хладнокровие. «Тупой розыгрыш». Даже Цинни не осталась бы столь спокойна, стоя рядом с магом, умершим насильственной смертью. А ведь у Цинни, при всей ее женственности, почти мужской характер.

— К тому же?... — переспросил Грент.

— Я убежден, что малейшее давление испортит дело, — признался Варрен. — Вопреки нашим знаниям о возможностях магии и, возможно, вопреки здравому смыслу. Сейчас я завоевал некоторое доверие у своего свидетеля. Надеюсь, что завоевал, — уточнил то ли из выработанной годами службы въедливости, то ли вопреки мыслям о возможной подставе. — Если это и впрямь так, мне бы не хотелось утратить позиции. Если мой свидетель честен, его помощь может оказаться бесценна.

— А если он заодно с убийцами, пусть думает, что провел вас, — кивнул начальник полиции. — Хорошо. Но чем скорее мы проясним этот вопрос, тем лучше.

— Боюсь, на убедительные доказательства рассчитывать не приходится, — вздохнул граф. — Если это игра, то она гениальна.

— Представляю, — ухмыльнулся Грент. — Убедить вас, воплощенное недоверие! Все же я хочу, Варрен, чтобы вы показали мне это чудо. Хотя бы неофициально.

— Позже, — неопределенно пообещал фор Циррент. — Что ж, здесь я видел все. Магистров будем делить или сами займемся?

— Я тоже не люблю делиться. Загадочные трупы в нашей компетенции. Спасибо за информацию, Варрен.

— Держите меня в курсе.

— Разумеется.

Грент прав, думал фор Циррент, неторопливо шагая к воротам Чародейного сада. Загадочные трупы, безусловно, в компетенции полиции, как, строго говоря, и появившиеся невесты откуда барышни. Вот только верхушка Гильдии магов в последнее время явно напрашивается на внимание Тайной Канцелярии. Господа волшебники всецело поддерживают занесение магии в реестр ценных ресурсов, однако считают, что контроль над оным ресурсом должен принадлежать только им. То есть, значит, для себя — любая волшба, хоть лысину чарами полируй, а если что понадобится государству, тут и поломаться можно, и цену понабивать. Подписанный королем ограничительный эдикт господам магистрам как кость поперек горла. И не такие господа магистры люди, чтобы смиренно терпеть невыгодное для них положение дел. Жаль, что ни фор Циррент, ни канцлер, ни даже сам король не в силах убрать Страунгера с поста верховного магистра: окончательно ссориться с магами короне не с руки.

Шуршали под ногами кленовые листья, все отчетливей доносился городской шум. Граф замедлил шаги, колебался несколько мгновений и повернул назад. В тишине Чародейного сада хорошо думалось. Магистрами займется Грент, а его, Варрена, забота — барышня Женья. Расспрашивать, слушать, сопоставлять, искать слабые места. Решить, наконец, верить ей или нет. Видит небо, хочется верить — девушка успела расположить его к себе. Но, если подумать, это ли не подозрительно... Начальник Тайной Канцелярии не должен так легко вестись на простые человеческие чувства. Не с его опытом таять под жалобным девичьим взглядом!

Впрочем, взгляд барышни Жени отнюдь не был жалобным. Девушка с твердым характером, определенно не дура, в сложных ситуациях не теряется... и, по ее же собственным словам, не склонна падать в обмороки. Находка, а не девушка.

Вопрос только, чья именно находка — его, графа фор Циррента, или магистра Страунгера. О другом мире она, похоже, не врет, но возможен вариант, что выдернули ее оттуда по ее же согласию, а то и просьбе. Мало ли в какие неприятности способна влезть девица с таким характером. Она может оказаться беглянкой, авантюристкой, преступницей, кем угодно. Если Страунгер обещал ей убежище в обмен на услуги...

Опять все упирается в необходимость расколоть верховного магистра. Что ж, пустим вперед Грента, пусть господ магов кусает полицейский бульдог, у него хватка мертвая. А с девушкой лучше держаться так, будто нет никаких сомнений. Так, как, собственно, уже и начало складываться. Взять под опеку до решения вопроса о возвращении, помочь, утешить, развлечь. Рано или поздно она покажет свое истинное лицо.

Кстати об истинном лице — граф фор Циррент усмехнулся, — первое, что следует сделать, это одеть ее прилично. Конечно, у Солли хватит ума предложить гостье что-нибудь из старых платьев Цинни, но барышне Жене они придутся не вполне по фигуре. Остается надеяться, что женщины справятся с проблемой сами: звать в свой дом портного для никому не известной девушки — значит, заранее соглашаться на самые дикие сплетни.

Ее высочество ненаследная принцесса Клалия выросла в строгой семье и прятать свое истинное лицо, мысли и намерения привыкла с детства. Отец несусветно гордился поколениями благородных предков и прилагал все усилия, чтобы и сам он, и члены семьи, и домохозяева, и даже слуги — от доверенной горничной до последнего истопника, — были достойны его знатного рода. Мать с ним соглашалась, вот только на деле под «достойными» они понимали немного разное. Папочка — безупречность поведения и помыслов, уважение общества и заслуженное расположение короля. Матушка же — умение добиться уважения, расположения, одним словом — подходящего места.

Клалия уважала отца и перенимала умения матушки. Жизнь показала, что матушкин подход куда более прагматичный и разумный, а Клалия считала себя весьма разумной девушкой. Иначе разве сумела бы она завоевать любовь наследника короны?

Но теперь пришла пора для единственного правила, в котором отец и матушка сходились беспрекословно: «никогда не останавливайся на достигнутом». Королевой ей не стать — муж оказался слишком слаб здоровьем, и как же досадно видеть, что уже сейчас, при живом короле и первом наследнике, все видят будущего короля в ее пасынке! Может, Ларк и впрямь не так уж плох, хотя, по мнению Клалии, больше было бы пользы для государства оставить его командовать армиями. Она даже как-то сказала об этом мужу...

«Польза для государства», ха! Разумеется, Клалия думала о благе государства, все же положение обязывает. Но в ее материнском сердце это благо было тесно связано с судьбой ее сына. Пусть Кир еще мал, не страшно! Его дед пока что здоров и бодр, есть время воспитать из мальчика достойного преемника. Вот только Ларк... В глазах всех преемник короля — именно он.

— Но достоин ли ты? — в который раз прошипела Клалия. Ногти впились в ладони, как всегда при мыслях о слишком удачливом пасынке. Убрать его с дороги никак не получалось.

Возможно, умелый наемный убийца решил бы дело лучше. Но, вот беда, Клалия всем сердцем любила мужа. Смерть сына причинит ему слишком сильную боль. Поэтому Клалия предпочитала действовать исконно женскими методами. Слухи, сплетни, компрометирующие ситуации. Королю что-то и простится, но наследник должен выглядеть безупречным. А если принц Ларк не слишком печется о собственной репутации, кто ж ему нянька? Уж во всяком случае, не мачеха!

ГЛАВА 7, в которой рассуждают о природе сплетен

Принц Ларк откинулся на спинку кресла, лениво потянувшись и заложив руки за голову. Ночь шла к рассвету, Офицерское Собрание давно опустело, только в буфетной на втором этаже засиделась за разговорами изрядно подогретая вином компания.

— Самые дикие сплетни, господа — это сплетни, основанные на правде. — Каким образом разговор свернул на сплетни, принц не заметил, но сама тема показалась интересной. В конце концов, для тех, кто живет во дворцах и вращается в обществе, слухи и сплетни — и воздух, которым дышишь, и оружие, которым защищаешься и нападаешь, и инструмент для достижения цели, и дымовая завеса, сбивающая с толку противника...

— Парадоксально, — граф Перетт фор Шоррентен усмехнулся и разлил по бокалам очередную бутылку одарского красного. — Звучит красиво, как все парадоксальное, но практикой не подтверждается.

Фор Шоррентен второй год посещал университет и потому говорил заумно и с апломбом.

— П-поясни... ик... те, — полковник Вентиш сощурился, аккуратно взял бокал — причем выражение лица у него стало такое, будто бокал пытался убежать. — Что вы хо... ик... хотели...

— Поясню, — с готовностью согласился фор Шоррентен. — Вот вам свежий, можно сказать, животрепещущий пример. Этой ночью один из присутствующих здесь кавалеров увел свою даму освежиться после танца и полюбоваться на звезды. Если вдруг по городу пойдет сплетня о том, что у мужа оной дамы отросла еще одна пара ветвистых рогов, мы можем с большой долей уверенности предположить, — фор Шоррентен воздел палец к потолку, наверняка подражая кому-то из профессоров: — оная сплетня основана на правде! Но, помилуйте, что в ней дикого?

От дружного хохота жалобно зазвенели стекла в окне.

— Учитывая репутацию дамы, дико, что кавалер сейчас с нами, а не с ней, — хмыкнул четвертый собутыльник, молодой лейтенант из полка Вентиша. Лейтенант почти не пил и, видимо, поэтому был настроен язвительно. Разумеется, досадно, когда сослуживцы веселятся со спокойной душой, а у тебя приказ — доставить господина полковника с праздника, когда оного полковника окончательно развезет в хлам. Желательно целым и не ввязавшимся в глупую ссору.

— С ней скучно, — бросил принц.

— Какова бы ни была репутация, — фор Шоррентен важно поводит пальцем перед собственным носом — то есть, наверное, у его профессора этот жест получался важным, а в исполнении Перетта выглядел донельзя глупо. — Повторяю, какова бы ни была репутация дамы и кавалера, любая сплетня из разряда любовных похождения — не более чем обыденность. Так же, как, например, болтовня о причинах высочайшего внимания или, наоборот, опалы. Разумеется, предположения могут высказываться самого дикого свойства, но сами-то разговоры — обыденность, господа, не более чем обыденность! К разряду диких сплетен я бы причислил нечто удивительное, необычное, волнующее воображение... Вы можете назвать хоть одну волнующую воображение сплетню за последний год? Мир скучен, господа.

Принц Ларк поднял бокал:

— За прекрасных дам! Они тоже скучны, но помогают нам скрашивать скуку этого мира.

— А я слышал дикую сплетню, — подал голос еще один студент, навязавшийся в компанию заодно с фор Шоррентеном. Имени его никто из присутствующих офицеров не знал, но какая разница, главное, что пьет наравне с остальными и не умничают, как его дружок. — Я слышал, будто вчера в Чародейном саду господа маги вызывали дьявола.

Еще один взрыв хохота потряс буфетную.

— И как, вызвали? — поинтересовался Реннар, порученец принца Ларка.

— Вот сплетня, в которой наверняка нет ни крупинки правды, — важно заключил фор Шоррентен. — Ваше высочество, ваши рассуждения опровергнуты.

— И... ик... — полковник поднял мутный взгляд. — И я слы... — уронил голову на стол и захрапел.

Лейтенант вздохнул:

— Господа, я вынужден вас оставить. Благодарю за теплую компанию.

— Помощь нужна? — негромко спросил принц Ларк. — Я могу вызвать службу.

— Не в первый раз, — лейтенант чуть заметно скривился. — Очень жаль, ваше высочество, что ваши возможности помочь не доходят до назначений высших офицеров.

— Это временно, — серьезно ответил принц. — Я запомнил вашего полковника, лейтенант Иммерти. Я его, собственно, еще по прошлогодней кампании запомнил.

— Тупая самовлюбленная бездарь, — буркнул себе под нос Реннар. Он тоже помнил прошлогоднюю кампанию.

Лейтенант ушел, непочтительно волоча упившееся начальство.

— Итак, — Шоррентен снова разлил, теперь на четверых, — остались самые стойкие. Что вы думаете о дьяволе, ваше высочество? Есть ли в слухах о нем правда?

— Помилуйте, — принц выставил ладони вперед в отрицающем жесте, — я не готов к богословским дискуссиям. Все может быть.

— Но вы утверждали, что слухи не возникают на пустом месте. Итак, какова может быть основа для слуха о дьяволе?

— Пить меньше надо, — снова буркнул Реннар. Поднял бокал, качнул туда-сюда. Усмехнувшись, выпил.

— В самом деле, — поддержал своего порученца принц Ларк, — на гулянье в Чародейном саду выставляют такое пойло, с него и дьявол примерещится. Спасибо, если только один.

— К слову, господа! — оживился приятель Шоррентена. — О пойле. Я вчера заглянул в «Бездонную кружку», это, кто не знает, — студент слегка поклонился в сторону принца и его порученца, — лучший кабачок в нашем университете. Так вот, туда завезли вино... м-м-м... такое вино...

— В «Кружке» приличное вино? — Шоррентен поболтал в воздухе опустевшей бутылкой. — Леони, ты заливаешь. Туда только пойло и возят. Самое мерзкое, гнусное, достойное наших высокоученых ослов...

— М-м-м... признаю, я не слишком тонкий ценитель. Но мне говорили... — Леони зевнул и растерянно почесал в затылке.

— Пора расходиться, — сказал принц. — Но мы могли бы, скажем, вечером...

— Продолжить наш разговор о дьяволе и слухах, — с пьяной настойчивостью кивнул Шоррентен.

— Не откажусь, — кивнул принц. — Это, по крайней мере, забавно. До вечера, господа.

— Забавно, — хмыкнул вслед уходящим Леони. — Телок на веревочке, а не принц. Он всегда так легко ведется?

— Когда скучает — да. Придешь вечером?

— Думаю, не стоит. Ты и один справишься.

Шоррентен кивнул: Леони хоть и умный, как тот самый дьявол, но купеческое происхождение не перечеркнешь. В дни и особенно ночи Перелома сословные различия ставят не настолько жесткие рамки, как обычно, но завтра его появление в компании аристократов будет выглядеть не слишком прилично.

— Тогда, — Шоррентен разлил по бокалам остатки вина, — за наш успех.

— За успех, — кивнул Леони. Выпил залпом, легко поднялся на ноги, хлопнул приятеля по плечу и, не прощаясь, ушел.

Принц и его порученец тем временем выехали из ворот Офицерского Собрании, свернули к улице Золотого Дуба, затем — в банковский квартал, а оттуда, срезав часть пути извилистыми переулками — в Малый Дворцовый проезд. Утомленная праздниками столица спала, копыта коней глухо цокали по булыжной мостовой, и нарушаемая только этим звуком тишина казалась глубокой, как Альетара в половодье.

Перед воротами дворца Реннар натянул повод, его вороной жеребец, всхрапнув, замер.

— Что? — спросил принц.

— Я домой. Должны были письма прийти. Я ведь не нужен до вечера?

— Конечно, — принц кивнул. — Можешь подъезжать сразу в Собрание.

— Хорошо. Спасибо, — Реннар слабо улыбнулся и тронул коня.

Он не хотел показывать этого, но разговор о сплетнях неприятно задел. Герцог Реннар фор Гронтеш мог бы сказать так: самые дикие сплетни — те, которые перемывают косточки тебе и твоим близким. И неважно, сколько в них правды.

Герцог Реннар фор Гронтеш имел наглость гордиться своей семьей. Давно обедневшим родом, насквозь выстуженным северными ветрами ветхим замком, отцом.

Особенно — отцом.

Адмирал Оннар фор Гронтеш, лучший клинок королевства, герой осады Бронта, первооткрыватель Гвоздичных островов и Ледяного архипелага, единственный, кому удалось пройти проливом Бурь и совершить кругосветное плавание. Кто бы не гордился?

И плевать, что за все свои подвиги Оннар фор Гронтеш не получил в итоге ничего, кроме славы. Что полтора года тому назад у него отобрали звание и титул, сделав герцогом его наследника. Что заперли в собственном замке, запретив являться в столицу без вызова, посещать друзей без дозволения, покидать страну. Да, Оннар фор Гронтеш поступил глупо и недальновидно, ввязался в интригу, в которой мог быть только разменной картой, вот его и сбросили в отбой. Спасибо, что опала не коснулась сына — очевидно, только потому, что Реннар к тому времени успел себя зарекомендовать верным сторонником и лучшим другом принца Ларка, отличиться на войне и даже получить награду — именной клинок из рук его величества. Иначе, наверное, тоже плесневел бы сейчас в родовом замке.

Зато в столице с тех пор стало не до скуки. Слишком многие желали почесать ядовитые языки о бывшего герцога и его наследника. За полтора года Реннар фор Гронтеш заработал славу отчаянного дуэлянта, не понимающего шуток и не прощающего косых взглядов. И если на его счету до сих пор не было ни одного трупа, то лишь по одной причине: молодой герцог фор Гронтеш предпочитал похоронам врагов их извинения. Желательно — публичные.

Реннар невесело усмехнулся. Отец говорит: пополнять коллекцию громких побед уместнее на войне, а не на дуэлях. Он прав, конечно. Ничего, будут еще и войны, а пока... пока он, герцог Реннар фор Гронтеш, научит столичных шаркунов, умеющих только туфли о паркет протирать, говорить с уважением и о себе, и о своем отце, и обо всем роде фор Гронтеш. Одна ошибка не должна перечеркивать всех прежних заслуг.

Задумавшись, Реннар даже не заметил, как доехал до дома. Столичный особняк, построенный дедом всего-то с полсотни лет назад, не шел ни в какое сравнение с древним родовым замком. Здесь можно жить, а там...

Бросил поводья выбежавшему к воротам конюху, спросил вышедшего навстречу управляющего:

— Письма есть?

Тот поклонился:

— Почту еще не доставили, ваша светлость.

— Я спать. Когда доставят, будите.

— Будет сделано, мой господин.

Дьявол бы побрал Шоррентена с его дружкой вместе. Тот самый дьявол, из Чародейного сада, придумают же бред. Реннара грызло отчетливое ощущение, что дьявол был приплетен к разговору с умыслом. Если вспомнить, что заговорили о нем сразу после довольно прозрачного намека на причины высочайшего внимания или опалы... Пожалуй, мрачно подумал Реннар, Шоррентен все-таки нарывается. Еще один намек в этом русле, и терпение герцога фор Грон-теша истощится. И тогда проверим, так ли хорошо студентиска управляется с пистолетом, как языком мелет.

Реннар не любил умников. Наследник древнего рода должен быть мужчиной, а не ученым занудой.

Письма принесли вечером, когда выпавшийся, но все еще мрачный Реннар одевался. Два — от отца и сестры. Первым Реннар вскрыл отцовское.

«Дорогой сын,

Рад, что у Вас все хорошо. До нас иногда доходят слухи о Ваших эскападах, и должен отметить, не все из них мне нравятся. Советую Вам быть осмотрительным и не терять голову так часто, как, судя по слухам, это с Вами происходит.

Вы можете не тревожиться обо мне, здоровье мое в порядке, и дел хватает. Зимние холода я намереваюсь провести, разбирая заметки о своих плаваниях, полагаю, Вам это будет интересно.

Я всесторонне обдумал Ваше предложение забрать Сильвию на зиму в столицу и счел его преждевременным. Ваша сестра, сын мой, слишком юна и наивна для светской жизни. Черда зимних увеселений может плохо сказаться на ее характере, и без того слишком легкомысленном. Кроме того, Ваши обязанности не позволят Вам уделять сестре достаточно времени.

Засим прощаюсь,
любящий Вас,
отец».

Реннар перечитал письмо дважды и бережно убрал в украшенную фамильным гербом шкатулку. После чего вскрыл письмо Сильвии.

«Милый братец!

Благодарю тебя за попытку вырвать меня из здешней скуки. Признаться, я понимала, что надежды на успех мало, но все же надеялась. Я очень по тебе скучаю, а здесь совершенно нечем заняться! Отец всю осень занимался хозяйством, теперь же засел за свои заметки, а меня усадил за пяльцы, какая тоска! Все-таки он у нас слишком старомодный в том, что касается воспитания. Нянюшка, правда, старается меня развлекать, но ее вечное квохтание мне надоело. Я ведь уже не маленькая, мне скоро четырнадцать! Милый братец, теперь, когда о поездке к тебе можно не думать, я мечтаю, чтобы ты хоть ненадолго приехал в гости. Мы бы сходили вместе на Ведьмину гору, и ты снова дал бы мне пострелять из пистолета! Ах, братец, зачем я родилась девушкой! Я так тебе завидую!

Пожалуйста, пиши мне чаще, твои письма интереснее даже тех романов, что иногда дает мне почитать тетюшка Лили-Унна.

Обнимаю тебя, мой милый братец,
твоя любящая сестрица Сильвия».

— Все такая же, — улыбнулся Реннар.

Граф Перетт фор Шоррентен в эти минуты тоже читал письмо, точнее — короткую записку на дешевой серой бумаге. Прочел, хмыкнул и, скомкав, бросил в огонь. Огляделся

осторожно — нет, никто из посетителей «Бездонной кружки» не обратил внимания. Впрочем, если кто и заметит — он, Перетт, парень видный, умный и при титуле, девицам нравится, почему бы ему и не получить записочку с приглашением на нежное свидание? Дело обычное и насквозь понятное.

Перетт с довольным видом подкрутил усы, отпущенные по гвардейской моде — предмет его тайной гордости. Вспомнил услышанное на днях краем уха презрительное: «Некоторые думают, подкрути усики на шомполе, и сразу герой. Лучше бы выяснили, для чего шомпол на деле нужен». Его имя тогда не прозвучало, но взгляды оказались достаточно красноречивы. Вроде и повода возмутиться нет, а на деле — как в грязь макнули. Записные храбрецы, называется! Боятся прямо оскорбить человека, носящего фамилию фор Шоррентен.

Ничего, жизнь всех расставит по подобающим местам, а он, граф Перетт фор Шоррентен, с превеликим удовольствием ей поможет.

Давно Перетт не ждал вечера с таким нетерпением.

ГЛАВА 8, в которой Женя знакомится с местной модой, а граф фор Циррент просит помощи

— Ох, барышня, надо же, беда какая! Ну ничего, подберем пока что-нибудь из домашних платьев барышни Цинни, а уж вернется господин граф...

Давненько Женя не ждала кого-нибудь с таким нетерпением, как сейчас — «господина графа». Слишком резко оборвался их утренний разговор, оставил слишком много неясностей. А самое главное — Женя не знала, что будет с ней дальше, чего ждать, чего бояться, к чему готовиться. Это напрягало.

Квохтание служанки казались таким же далеким фоном, как шум улицы, сосредоточиться на смысле слов удавалось с трудом. Переодеваться не хотелось. Как будто, сменив привычные джинсы и джемпер на местное платье, оборвешь последнюю ниточку к дому. Глупо, конечно...

Служанку звали Солли, и напоминала она Жене двоюродную бабушку Лизу. Такая же невысокая, шуплая, словно высохшая с годами, но бойкая и шустрая, как электровеник. И говорит в точности, как бабушка Лиза — быстро, увлеченно, сочувственно, всплескивая руками, задавая миллион вопросов и не давая вставить ни слова в ответ, так что можно особо и не вслушиваться.

Женя сидела в глубоком кресле, сложив руки на коленях и сцепив пальцы в замок, а Солли тарахтела и тарахтела, ловко выгружая из огромного шкафа охапки белого, розового, кремового, пышного, кружевного — по всей видимости, домашние шмотки некой «барышни Цинни». Вынет, встряхнет, покачает головой, разложит на огромной кровати, оглянется на Женю, вздохнет:

— Барышня такая худенькая! Ушивать и ушивать...

Комната, наверное, тоже принадлежала этой самой барышне Цинни. Будуар, спальня, или как там оно называется. Ничего так комнатка, во всю Женину квартиру размером. Кровать два на три метра, бархатный балдахин глубокого синего цвета, светло-бежевое покрывало расшито синими и золотыми птицами, и такой же, в птицах, тканью обиты стены, аж в глазах рябит. Особенно, когда на золотую вышивку падает солнце из широкого окна. Шкаф из такого же темного дерева, что и кровать, два кресла, обтянутые синим бархатом, синие же шторы на окне и перед дверью — зачем, спрашивается, дверь завешивать, чтоб подслушивать удобней было? Светлый ковер на полу, ради разнообразия однотонный. Зеркало мало того что во весь рост, еще и шириной метра полтора — танцевать перед ним, что ли? А вроде бы раньше зеркала были жутко дорогими, даже маленькие. Интересно, здесь так? Еще одно зеркало, трехстворчатое, над столиком для косметики, а перед столиком мягкая низкая табуреточка — снова синий бархат, вытертый, сразу ясно, что на этой табуреточке сиживали подолгу и со вкусом. В углу у окна скромно примостился не то секретер, не то письменный стол с полочками-ящичками. Недурственно живут местные барышни.

— А искупаться можно? — улучив момент, когда болтливая служанка переводила дух, спросила Женя.

— Ох, и правда! — Солли всплеснула руками, уронив очередную охапку, на этот раз бледно-голубого в синий мелкий цветочек. Незабудки, наверное. — Я и не подумала, уж если вас, барышня, в Чародейный сад угораздило, так выкупаться точно надо! Смыть с себя волшбу. Сейчас, барышня, вы поглядите покуда, что нравится, а я велю воду греть.

Интересненько. А если, значит, не волшбу смывать, то купаться не обязательно? Грязь тоньше миллиметра не мешает, а толще — легко сколупывается? Ну и попала, вот уж точно средневековье!

Мама дорогая, а если окажется, что у них и прокладок нет!.. Женя застонала вслух. Конечно, нет, откуда бы им взяться! Еще вопрос, придумали ли здесь хотя бы банальную марлю, или долгими зимними вечерами благородные дамы щиплют корпию для интимных нужд.

Женя сползла с кресла, подошла к кровати, поворошила кружевные россыпи. Вытянула нечто в складочку и с оборочками, при ближайшем рассмотрении оказавшееся панталонами до колен. И вот это здесь вместо нормальных трусиков?!

Когда служанка вернулась, Женя рыдала, сидя прямо на полу рядом с кроватью и уткнувшись носом в жесткую золотую вышивку на покрывале.

— Плакала? — переспросил граф фор Циррент, глядя в жалостливые глаза старой няньки.

— Уж так рыдала, — закивала Солли, — чуть сердце не разорвалось. Бедное дитя, у кого только рука поднялась на невинную овечку!

Граф с трудом подавил неуместный смех. Уж на кого барышня не тянула точно, так это на невинную овечку! Но у женщин свой, особенный взгляд, часто парадоксальный, с мужской точки зрения нелогичный, но более глубокий и, в конечном счете, безошибочно верный. По крайней мере, у того типа простодушных, но по-житейски мудрых женщин, к которому относилась старая нянька его сестрицы.

Что ж, мнение Солли падает на чашу весов, помеченную биркой «невиновна». А на другую — простая мысль: нет лучшего способа разжалобить старую, очевидно добрую и простодушную служанку, чем хорошенько, от души порыдать. Это вам не начальник Тайной Канцелярии.

— Где она сейчас?

— Купается. Я велела нагреть воды с мятой и рябиной, от дурной волшбы.

— В ее случае это вряд ли поможет, но спасибо, Солли. Никто лучше тебя не позаботится о бедной девушке.

— Бедняжка поживет пока у нас, господин граф?

— Пожалуй. Не так легко скрыть присутствие в доме посторонней девицы, но не бросать же ее на произвол судьбы. Если расследование затянется, я напишу Цинни. А пока, Солли, прошу тебя, держи сама рот на замке и предупреди всех, кто помогает тебе с ней. Сама понимаешь, речь идет о репутации девушки.

Солли снова закивала, поахала, посетовала, что барышня Цинни живет теперь «среди этих ужасных тирийских туманов», и убежала, пообещав привести «бедное дитя» к обеду в приличном виде.

Варрен фор Циррент посидел некоторое время в тишине, отдыхая от болтовни старой няньки, а потом вызвал Ланкена — своего доверенного секретаря.

Ланкен жил в семье фор Циррентов сорок лет. Служил еще отцу Варрена, вправлял мозги его непоседливому отпрыску, прикрывал невинные юношеские шалости, по приказу старого графа сопровождал семнадцатилетнего Варрена на войну — и научил там куда большему, чем вечно пьяный полковник, к которому молодого фор Циррента приставили порученцем. Помог справиться с потерей, когда не стало отца. Стал незаменимым советчиком и хранителем тайн. Варрен ценил его преданность, здравый смысл, знания; но отношение его к Ланкену определяло совсем не это. Ценил граф фор Циррент многих, Ланкена он любил — почти как отца.

Ланкен явился почти мгновенно — очевидно, ждал вызова. И заговорил первым, что последние лет десять случалось крайне редко.

— Во что ты ввязался, Варрен?

— Ты о чем? — граф поймал себя на ностальгической улыбке: так Ланкен говорил с ним лет, пожалуй, двадцать — двадцать пять назад. Приятно хоть на мгновение снова ощутить себя бесшабашным юнцом.

Ланкен подошел ближе, покачал головой и вдруг улыбнулся в ответ.

— Переодетые девицы, мой бог! Двадцать лет назад я не удивился бы. Кто она? Не пытайся меня уверить, что это банальная интрижка.

— И не думал, — улыбка графа стала шире.

Ланкен хмыкнул и сел в свое любимое кресло напротив окна.

— Нашли в Чародейном саду, без памяти! На Перелом, конечно, и не такое случается, но...

— Такого еще не случалось ни в один Перелом, — покачал головой граф. — Насколько я знаю. Странная история, Ланкен. Очень странная. Что ты скажешь о девице?

Ланкен задумчиво пожевал губами.

— Пока ничего.

— Почему?

— Слишком она... — старик запнулся, подбирая слово, что бывало с ним крайне редко: — Противоречива. Бесстыдный вид, но ни следа кокетства. Неуверенность и вместе с тем раскованность. И еще...

— Что, Ланкен?

— Это точно девица? Не юноша?

— Забавно... — вдвойне забавно, если вспомнить, как долго сам граф смотрел на девушку, а видел перед собой дерзкого мальчишку. — Солли как раз сейчас помогает ей принимать ванну и примерять юбки моей сестрицы, можешь спросить у нее. Откуда сомнения, Ланкен? Что тебя смутило?

— Не знаю, — старик задумчиво пожал плечами. — Что-то есть в ней такое... резкое? Нет, бывают и дамы резкими. Эдакое нечто, именно что не женское...

— Подумай. Присмотрись, она будет обедать с нами. Мне нужно понять эту девушку.

Ланкен почесал переносицу, спросил:

— Что с ней не так, Варрен? Она не похожа на жертву.

— Именно, — хмыкнул граф. — Не похожа на жертву. Я расскажу после обеда, сначала посмотрю на нее.

— Свежий взгляд? Тебе давно не требовалась помощь в умении судить о людях.

— Сейчас нужна.

На несколько мгновений в кабинете сгустилось молчание. Потом — одновременно — Ланкен встал, намереваясь уйти, а граф заговорил.

— Скажи, Ланкен, давно я последний раз боялся?

Старик ответил спокойно, как отвечал на вопросы о погоде или о свежей почте:

— Семь лет назад, в зимний Перелом. Когда болела барышня Цинни.

— Да, — граф с силой растер лицо ладонями, откинулся на спинку кресла и посмотрел снизу вверх в выпуклые глаза Ланкена. — Так вот, я боюсь. Хуже того, боюсь, что эта девочка не врет. Что я прав в своей симпатии к ней. Что она... ладно, хватит! Поговорим после обеда. Иди, Ланкен. Обед уже через полчаса, мне нужно подумать.

— Барышня, ручки сюда... опускайте... спинку ровно... ох, барышня, барышня, что ж вы такая худенькая! Обед через полчаса, ушить никак не успеем, только булавками сколоть!

Женя вздохнула:

— Хорошо, давайте булавками...

Местная мода была не то чтобы совсем ужасна, но девушку, привыкшую к джинсам, пугала. Женя слабо представляла, как сможет сделать хотя бы шаг в том, прости Господи, «домашнем платье», которое на нее напялили.

Юбка нижняя батистовая, в миллион мелких складочек, от которых бедра кажутся вдвое толще. Юбка нижняя вторая, тоже батистовая, широченная, как раз чтобы хватило прикрыть весь этот миллион складочек, с зубчатой кружевной каймой по подолу. Платье... ох, платье, спасибо, добрая Солли помогла, сама бы с ним ни в жизнь не справилась! Издевательство, а не платье! Узкий корсаж — на Женю почти в самый раз, но если вспомнить, как Солли причитала о ее худобе... интересно, хозяйка этого платья дышать в нем могла? Глубокое декольте, пышные рукава-фонарики, складки и кружавчики, в зеркало стыдно смотреть. И юбка! Мало двух нижних, так еще и эта уложена широкими складками, как... как драпированные шторы в актовом зале у них в школе! Женя истерически засмеялась, всхлипнула и прикусила кончики пальцев. Хватит рыдать. Это ненадолго. Перенесли сюда, перенесут и обратно, к родным джинсам, автобусам и интернету.

— Барышне к лицу голубое, — Солли довольно оглядела плоды своих трудов. — А теперь прическу. У вас, барышня, такие густые, красивые волосы, загляденье! Мы их завьем...

— Нет! — Женя схватилась за голову, как будто могла этим защитить родной привычный хвост. — Только не завивать!

— Но, барышня!

— Нет, — уже спокойнее повторила Женя. — Извините. С кудряшками я выгляжу тупой овцой. Не хочу.

— Но нельзя же...

— К тому же мы не успеем, — коварно продолжила Женя, — сколько там осталось до обеда?

Солли всплеснула руками.

— Давайте узел сделаем, — сжалась Женя. — Это быстро, и мне идет. И к такому платью, наверное, красиво будет. У вас ведь найдутся заколки какие-нибудь? Или хотя бы шпильки?

— Шпильки, — Солли просветлела лицом и кинулась к секретеру. Отперла крышку, выдвинула один ящичек, второй, третий... — Вот! Под голубое барышня Цинни носила эти!

ГЛАВА 9, в которой разговор Жени с графом фор Циррентом начинается со шпилек и заканчивается анализом воображения авторов фэнтези

— Шпильки? — переспросил граф фор Циррент. Поставил на стол бокал с недопитым вином, еще раз оглядел вышедшую к обеду гостью. Признаться, он думал, что на вежливый вопрос, все ли в порядке, та ответит вежливой же благодарностью, не больше. — Простите, я не очень разбираюсь в дамских булавках. Какая проблема со шпильками и почему ее не смогла решить Солли? К слову, разрешите заметить, в этом платье вы выглядите весьма... — «пристойно», просилось на язык, но граф смягчил мысль: — Милой.

— Спасибо, — комплимент барышню явно не обрадовал. Она поерзала на стуле, расправляя юбки, взглянула на графа с откровенной тоской, вздохнула: — Ужасно непривычно. Юбки, складки... Очень надеюсь, что мне не придется ходить в таком кошмаре весь остаток жизни. А шпильки... ну, вы посмотрите сами!

— Смотрю, — уверил граф. — Вам очень к лицу эта прическа, она делает вас женственной. Шпильки, насколько я понимаю, подобраны к платью. Платье, хм, я не знаток последних веяний дамской моды, но что кошмарного вы в нем находите, не понимаю. Что именно вам не нравится?

— Простите, — кажется, или она и впрямь чуть не плачет? — Мне просто непривычно в десяти юбках, ноги путаются, я все время упасть боюсь! У нас совсем по-другому одеваются!

— Это я понял. Но, пока вы здесь, я бы хотел видеть вас в пристойном виде.

— Ладно, — буркнула девица. — То есть, спасибо, хорошо, я постараюсь.

Граф кивнул, отметив про себя, что девушка схватывает на лету: ее первоначальное «Ладно» тоже нельзя было отнести к пристойному поведению.

— Но все же, — робко сказала барышня, — эти шпильки, они ведь черт знает какие дорогие? Это же серебро и настоящие камни, уж настолько я соображаю!

— И что?

— Но... — она замолчала, явно не зная, какими словами объяснить свое замешательство.

— Барышня, — мягко сказал граф, — вы правы, это аквамарины довольно чистой воды и заговоренное серебро, но я решительно не понимаю вашей паники. Вы же не могли выйти к столу непричесанной.

— Но если... ну, понимаете, — она бросила быстрый взгляд искоса на Ланкена, замялась, — мы ведь не знаем, а вдруг я вернусь домой так же внезапно, как...

— Значит, у вас останется милый пустячок на память о приключении, — улыбнулся граф. — И, барышня, если я говорю, что при ком-то вы можете говорить свободно, это значит, так же свободно, как со мной.

— Ничего себе пустячок...

— Все! — граф вскинул руку ладонью вперед, останавливая спор. — Хватит об этом. Есть более важные темы для обсуждения.

Девушка выпрямилась, сцепила пальцы в замок. Поразительно, отметил граф, в один миг растерянность на лице сменилась сосредоточенным вниманием.

— Я слушаю.

— Как можно, — граф улыбнулся. — Неставляйте меня нерадушным хозяином, поешьте сначала. Ланкен, передай барышне горский сыр, вчера он ей понравился.

Следующие полчаса были заполнены ничего не значащими репликами, обычными для обеда в полуофициальной обстановке. «Попробуйте — спасибо — вам должно прийти по вкусу это вино — вы угадали, я люблю сладкие — еще кусочек паштета — да, благодарю». К

слову о вине, пила барышня весьма умеренно, даже, можно сказать, осторожно. Похвальная черта, но... Проклятые «но», если подозревать девицу в сговоре с магами, то любую мелочь можно истолковать против нее. Ту же самую мелочь, которая делает ей честь, если девушка искренна!

Фор Циррент покосился на секретаря. Ланкен невозмутимо ел, как будто ему не было ровно никакого дела до гостя. Намазывал хлеб паштетом, запивал вином, неторопливо промокал салфеткой губы. Эдакий гурман в возрасте, которому только и осталось радостей в жизни, что посидеть за богато накрытым столом. Интересно, клюнет ли девица на маску?

Обед Женю нервировал.

Роскошно сервированный стол — не знаешь, за какую вилку взяться, только и остается беспроегрышная стратегия «смотри на соседа и делай, как он». Незнакомые, непривычные блюда, даже безобидный с виду сыр, похожий на сулугуни, на вкус — не сыр, а натуральный фейерверк! Платье это, чертовое декольте, корсаж в обтяжку, рукава-фонарики, юбки, как корма у линкора, не шевельнуться в нем лишний раз!

Да еще этот секретарь!

На первый взгляд, дедуле только и осталось в жизни радости, что закинуться всякими вкушностями. Вот только вряд ли начальник Тайной Канцелярии скажет о безобидном пенсионере: «Говорите с ним так же свободно, как со мной». Да и во взгляде, которым одарил ее этот самый Ланкен, когда Женя передавала ему записку графа, читалось что угодно, только не старческий маразм. Ежу понятно, присматривается.

Конечно, Женя понимала, что ее не оставят без самого пристального внимания. Не дура же, в самом деле. Но почему-то от притворного равнодушия старичка-секретаря она нервничала больше, чем от прямых вопросов графа фор Циррента.

Когда это мучение закончилось, Женя вздохнула с откровенным облегчением. Жаль только, что запивать еду здесь предполагалось или вином, или водой. Попросить, что ли, снова кипятку? Нет, кофе лучше экономить, днем без него обойтись легко, а вот утром...

Женя выпила полбокала воды, чинно сложила руки на коленях и задумалась, не спросить ли у графа про чай. В смысле, есть он здесь или нет. Что с кофе дела обстоят прискорбно, она уже поняла. Сообразить бы, дома чай появился раньше кофе или позже? И уместны ли аналогии? Она ведь совсем ничего не знает об этом мире.

Засуетились слуги, убирая со стола, а граф подошел к Жене и церемонно протянул руку: — Разрешите сопроводить вас в кабинет.

«Для допроса», — ядовито додумала Женя. Вставая, она запуталась в юбках и едва не уронила стул, и настроение испортилось окончательно. К тому же хватка у графа оказалась железная, а старичок-секретарь хоть и выдерживал дистанцию, все равно как будто дышал в затылок. Будто Женя могла куда-то от них деться!

Кабинет Жене понравился. Причем понравился намного больше, чем тот, который в Тайной Канцелярии. Этот был не так помпезен и куда более захламлен, но казался странно живым, таинственным и интересным. Как будто там — для представительства, а здесь — настоящий, не для посторонних. Женя вошла и замерла, оглядываясь. Два стола, у окна и посреди кабинета. На том, что у окна, письменный прибор, предок нынешних органайзеров: никаких вроде бы характерных для старины красот, чернильница, подставка для ручек — очень простой формы, темное дерево и бронза. Простые жесткие стулья. Сейф — огромный, почти в Женин рост. Высокий, под потолок, стеллаж, забитый книгами, пачками газет, перевязанными стопками бумаг, разного размера ящичками и коробочками.

— Папки у вас, я вижу, еще не изобрели, — улыбнулась Женя. От бумажного хаоса веяло родным и привычным.

— Папки? — переспросил граф.

— У нас? — одновременно с ним удивился секретарь.

Газеты, осенило Женю. Обычные напечатанные газеты! А она думала, здесь средневековые. Нет, явно что-то не сходится!

— Так, — граф отодвинул один из стоявших вокруг центрального стола стульев, кивнул Жене: — Садитесь. Вопросы изобретений оставим на потом, а для начала расскажите еще раз, что с вами произошло. Насколько сможете подробно, до самых незначительных деталей.

Женя кивнула, сцепила пальцы в замок. Пережевывать дурацкое попадалово еще раз не очень-то хотелось, но она и сама понимала: вчера, в горячке первого шока, легко могла упустить что-нибудь важное. Взглянула на старичка-секретаря, пожала плечами:

— Я понимаю, это должно казаться бредом...

Поежилась: почему-то стало холодно, как будто сквозняком по спине протянуло. Дайте обратно любимый джемпер...

Рассказывать оказалось легче, чем думала Женя. Зацепилась за первую фразу, прикрыла глаза — острый взгляд Ланкена мешал сосредоточиться, — и, слово за слово, выложила все, что смогла вспомнить. Не так уж мало, кстати. Удивительно, сколько всякой ерунды застряло в памяти. Вроде того мальчишки на дереве, или здорового мужика, расталкивающего толпу вокруг бочки с выпивкой, или другого, уронившего кружку на ногу своему другу. Низкие мужские голоса, поющие что-то непонятное. Ошалевший взгляд парня, в которого она случайно врезалась. Крохотные радуги на концах ветвей, по окоему желто-зеленых не опавших листьев, на кончиках собственных пальцев.

— Радуги? — переспросил граф. — Вы что-нибудь ощущали? Холод, жар, покалывание, жжение?

— Нет, — Женя растерянно мотнула головой. — Не помню ничего особенного.

— А не особенное?

— Ну... даже не знаю, — растерялась Женя. — Помню, я подумала, что красиво. Я сначала на деревьях это заметила. Правда, очень красиво. Листья, а по краю всполохи. Я загляделась, но глазам ярко было, от солнца. Рукой прикрылась. Гляжу, вокруг ладони тоже... я еще подумала, что это от солнца, ну, знаете, когда на яркое насмотришься до пятен в глазах. Пошла в тень. Хотела постоять с закрытыми глазами, пока пройдет, но, понимаете, когда вокруг полно пьяных мужиков... страшно, в общем. Так что я искала местечко, где людей поменьше, и тут меня ваш человек подцепил. Вот. А дальше вы и сами знаете. И я даже не заметила, когда эта радуга пропала. Просто... отвлеклась, и все, — Женя чуть не плакала, ну правда, как можно было сразу не сообразить: происходит что-то необычное, обрати внимание! Вот растяпа!

Граф задумчиво хмурился, постукивая кончиками пальцев по краю стола. Хотела бы Женя знать, что у него сейчас в голове... Почему-то казалось — ничего утешительного.

Граф фор Циррент слушал, постукивая кончиками пальцев по столу — привычка, от которой долго отучался, возвращалась в минуты крайней задумчивости. Хотел бы он знать, что у барышни сейчас в голове! Как проверить, если все зацепки — в другом мире?

«Однако выходит так, — хмыкнул про себя граф, — что в другой мир я уже поверил. Слишком оно бредово; втираясь в доверие к начальнику Тайной Канцелярии, разумней выбрать менее эпатажную и более доказательную легенду».

Или цель — не сам фор Циррент? Его высочество Ларк, например, вполне способен клонуть на подобную чушь, если ее подкрепить несчастным видом трагически пострадав-

шей девицы. При всех своих достоинствах как политика и военного принц, увы, неисправимо романтичен.

И, к сожалению, слишком мешает некоторым...

Нет, оборвал цепочку предположений граф, если бы девушку хотели подсунуть принцу, ее не оставили бы без присмотра, а сразу после переноса взяли бы аккуратно и переправили в Офицерское Собрание. Вполне логично выглядело бы, тем более в ночь Перелома. У принца хватило бы ума еще и наградить того, кто приведет ему такую интересную находку.

Однако молчание затянулось, нехорошо.

— Вынужден вас огорчить, — граф поймал взгляд барышни Жени и постарался сделать голос как можно более сочувствующим. — Полагаю, что быстро мы вашу проблему решить никак не сможем. Особенно учитывая... трагическое происшествие. Велика вероятность, что именно погибший осуществлял ваш перенос сюда. Картина экстремального энергетического истощения слишком очевидна, вряд ли господа маги просто развлекались в честь праздника. Других же энергоемких ритуалов... Строго говоря, мы не можем утверждать, что не проводилось, но вероятность крайне мала.

— То есть... — девушка запнулась. Прикусила губу. Неловко пожала плечами. — То есть, я застряла, получается? А другие маги? Если их попросить?

— Мало кто из столичных магов способен к волшебству такого уровня. И, признаюсь честно, я бы трижды подумал, прежде чем связываться с теми, кто способен. Хотя пока советую вам не терять надежду. Возможно, кого-то из них удастся припереть к стенке.

— Но... что же мне делать?

— Ждать. Полиция ведет расследование, я, со своей стороны, поработаю с верхушкой Гильдии.

— Понятно, — вздохнула барышня. — Я могу чем-то помочь?

«Занятно, — подумал граф, — весьма занятно». Естественной реакцией были бы слезы, а не вопрос по делу. Интересная девица ему попалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.